

ЗА ТРУДОВОЙ СЕМЕСТР – «ОТЛИЧНО!»

№ 19 ОКТЯБРЬ 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1968
Смена

смена

ТВОИ ВОСПИТАННИКИ, КОМСОМОЛ!

АНАТОЛ И ИВАН

Эти два парня встретились в Новокуйбышевске, молодом городе химиков. Один из них приехал с Севера, со строительства бумажного комбината в Архангельской области, близ Котласа, другой — из Белоруссии, из Гомеля, где строят суперфосфатный завод. Одновременно с ними на берегу Волги в гости к строителям химических предприятий приехали сорок два лучших рабочих ударных комсомольских строек, разбросанных по всей стране. Им предстояло принять участие в необычном турнире: со-

стязании представителей самых древних строительных ремесел — каменщиков и майяров.

Победителями вышли архангельский каменщик Анатолий Зотов и белорусский майляр Иван Пулькин. Им присвоено звание «лучший молодой каменщик» и «лучший молодой майляр» ударных комсомольских строек Министерства промышленного строительства СССР и вручен главный приз конкурса — приз журнала «Смена».

ИИ ЗОТОВ ПУЛЬКИН

Ч

то-то в них есть неуволимо общее. Хоти они и очень разные. Иван Пулькин, старец своего творчества лет на десять, он выглядит положительным, степенным, разговаривает, зная себе цену, на вопросы членов жюри по теории малярного дела, отвечает спокойно, неторопливо. Лишь иногда, один замятный румянец выдает глубоко заинтересованность к непривычным обстановкам. Во всем его поведении чувствуется достоинство. Я представляю себе, как он отстаивает свое мнение относительно того или иного цвета, в который нужно окрасить стены производственного помещения. А его мнение на этот счет, как выяснилось, иногда расходится с проектом, поданным для строительства.

Нет, это определенно не тот маляр, который не знает, каким цвет краски! Он не столько знаком с основами понятиями промышленной эстетики (хотя и это ему ведомо), сколько стремится выполнить свою работу так, чтобы она доставляла ему удовлетворение, чтобы люди, которым будут работать в цехе, чувствовали себя хорошо.

Эта обстоятельность, врожденное стремление к добродетели, к внутреннему удовлетворению своего трудом объединяет их не только друг с другом, но и со всем родом русских мастеров людей, в том числе и тем, что строят архитектурные шедевры, которыми мы с вами можем воспользоваться.

Тогда пошел работать, после восьмого класса школы, Семья большая, на четвертом из детей — надо помогать. Понапалу попал в бригаду, которой поручали работу наизысканной квалификации, и забывчивые были со ответствием невелики. Особо быстрые, становясь неистериками не хватало нагруженности. Котелки, на которых работали, хотели уиться, стать мастерами. Спортивного и малярного паренства премиями Борис Степанович Губанов, бригадир прославленной на стройке комсомольско-молдавской бригады, и взял к себе. И Губанов не ошибся. Парень оказался, как говорят, кто надо. Губанов не только не покидал эту бригаду, но, наоборот, стал старшим другом, наставником.

Забытый, спрятанный, рассказывая об одном эпизоде, который произошел в Большом зале Дома культуры, где в торжественной обстановке архитекторы и мастера получали призы конкурса каменищиков и маляров. Одним из призеров — маляр Иван Пулькин — с красной лентой чемпиона ушел всадчик на сцене за столом президиума. Представляющийся объявил, что победителем среди каменищиков стал Анатолий Зотов. Конечно, Зотову это было приятно, и не скрывая своего волнения, стал прибираться между рядами, собирая поздравления товарищей, в том числе другим членам линиса и похлощавший по спине, по затылку.

А его бригадир! Он тоже присутствовал на этом торжестве. (В это время в Новонуйковшаховске проходили занятия Всесоюзной школы бригадиром комсомольско-молдавской бригады юных рабочих.) И вот, когда на сцену вышел Зотов, было видеть, каким счастьем светился лицо бригадира, когда его пытливо позавидывали аплодирующие члены пленарного комитета. Наконец, он не выдержал, поднялся на сцену и под дружные аплодисменты вскочил обнял и расцеловал Зотова. Губанов был первополнен той благородной гордостью, которая возывает простого рабочего человека: «Здай наше!» И весь зал — участники соревнования, бригадиры, рабочие новонуйковшаховских строек — неистово, весело аплодировали ему и его

ученикам, до крайности смущенному восхищавшему первому.

У Анатолия в этом году совершился еще два больших события: он станет отцом и супругом. Он родился и вырос в Корзине, на берегах Вынеграда, где теперь строятся одни из крупнейших в мире целлюлозно-бумажных комбинатов. С суровой природой края он привык и считает ее вполне годным для жизни. Со своим другом Сашей они бывают на постройках моторную лодку и каждая выходят к прибрежному берегу, до сих пор Вынеграда ловят рыбью. Я так понял: рыба для них не самоцель, а лишь приманка, которую бросают им природа. Я им как-то подсознательно обещание с природой, с ее красотой, а холод, дождь, комары и прочие неудобства лишь обостряют восприятие.

Про своего друга Семена Федоровца он говорит:

— Семен ладно ведет кладку. У него можно поучиться. Шел аккуратный и водяной тональны.

И перевязывает очеви ловью. Когда решали, кого послать сюда, в Новонуйковшаховск, мы двое составлялись. Получились у нас все ровно. Ну, я послал меня. Наверное, потому, что я моложе. А Семен, я ему лучше. Это я знаю.

Уже спустя полтора года, Губанов, и Зотов, склонны к обстоятельству, в нем поступают в своем труде, в своих отношениях с другими. Хотя и проявляется эта склонность по-разному.

Иван Пулькин считает, что, прежде чем устраивать свои семейные дела, нужно закончить образование.

Мы посланный курс в техникуме остались. Потом диплом — нечего следующий этап.

Он строит жизнь продуманно, не торопясь. А вот Зотов врангелями погладят во власть эмоций, которые, впрочем, не мешают ему оставаться рассудительным человеком.

— Ты чего рано женялся? — спрашивал я Анатолия.

— А как же! Женившись потому, что не мог жить. Работал с любым, друг друга, друг, значит, и должен жить вместе, — говорит он убежденно, не представляя себе другого решения проблемы взаимоотношений с женщиной. — Мы и работаем в одной бригаде...

— А как же с образованием?

— В армии буду учиться. Я ведь в морской десант определен. А там техника. Значит, надо учиться. Как вернусь — дорожной-строительный техникум поступлю. Думаю, за два-три года кончу.

Mы сидим и беседуем с ребятами. Сумма торжества осталась позади. Есть время спокойно поговорить, подумать. На современной стройке можно встретить представителей многих профессий, идей, национальностей, культур, мировоззрений. Чему же для этого конкурса выбрали именно каменищиков и маляров?

Требование строить много, быстро и дешево вызвало бурный приток на строительную площадку самой разнообразной техники, самых современных методов. Стремление к прогрессу. Во время последней поездки мне довелось побывать на одной из наиболее интересных в этом отношении строительных площадок — на строительстве Волжского автомобильного завода в Тольятти. Об этом заводе правильнее было бы сказать, что его не строят, а монтируют. Завод

должен начать выпуск автомобилей к концу третьего года строительства, то есть к концу будущего года. Такие темпы неведомы не только у нас, но и ни в одной другой стране. Естественно, выполнение этого задания возможно только при высокой степени механизации, только при применении самых современных достижений строительной техники.

Так что же, может быть, труд обыкновенного каменищика или маляра не нужен на этой ультрасовременной стройке? Может быть, индустриальные методы вытеснили и со строительной площадкой?

Вот что я думаю: есть ли здесь эти проблемы волновали. Волновали потому, что они не разводились ни с тем, что перенесли, которые не могут не отразиться на их будущем, на их профессиях. Может быть, случайно выбранный жизненный путь стал теперь для них частью их личности, их бытия? Как же они должны оценить свое будущее?

Я думаю, строительство, как в Тольятти, машинное, автоматическое, на руки сделали его более производительным, оставив старую профессию как бы в сторону, и то, что машины пока не научились делать. Иные говорят, если сборка конструкций зданий — это чистая техника, то каменичная кладка и малярное дело можно сравнять с искусством, ибо здесь все создается живыми человеческими руками, согретыми теплом рук мастера, зависит от его умения и вкуса.

Я вспомнил, как накануне среди новостроящихся сводных жилых домов состоялись эти ребята. Я следил за их работой, за увеличением плотности воды никто не отбил) и все больше убеждался в правомерности сравнения их древних ремесел со столь же древними искусствами, какими являются живопись, вазник и зодчество. И здесь никакого преувеличения. Я смотрел, как в мастерской, в здании Бирмы на Берегу Невы, перед мастерами бывшими каменищиками, этих молодых рабочих. Перед мозгом мысленным взором появлялись строгие величия Сокирийского собора в Новгороде и причудливые очертания храма Василия Блаженного, силуэт Московского Кремля и здания Бирмы на Берегу Невы. Ведь без мастерства бесполезны каменищики. Без их искусного и талантливого труда, конечно, для нас ни один из многих и многих шедевров. И не слышитве то обстоятельство, что именно эти ребята не участвуют в создании архитектурных шедевров современности в общепринятом понимании этого слова. Они строят заводы и города. Но ведь, когда мы сидим здесь сегодня на ударьном конгрессе строителей, мы не меняемся оттуда, не меняемся мастерства. И это знает, может быть, то, что они создадут сегодня, и что впереди станет памятником эпохи и об этих результатах будут вспоминать, как вспоминаем мы первых строителей Магнитки или Комсомольска-на-Амуре!

Когда-нибудь придет то время, когда от нашей чистоплотности будут судить не только по первым спутникам, атомным и ядерным, и отальным электростанциям, по первым лифтам и первым машинам — но с нас будут судить и по городам, которые мы оставим после себя и которые сегодня зовутся ударными комсомольскими стройками. И в создании этих памятников материальной культуры участвуют простые рабочие-строители.

В. САХОН

Каменищик Анатолий Зотов и жалар Иван Пулькин.

Фото В. ЧЕЯШВИЛИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц

ОКТЯБРЬ

19
(93)
1968

Kонкурсы мастерства, начавшие проходить недавно среди молодежи, стали доброй и популярной традицией. Молодые шоферы и парикмахеры, стачонники и продавцы, трансistorисты и портные, участники в конкурсах, сдают экзамены на профессиональную зрелость, демонстрируя и любовь к выбранному делу, и выучку, и неуклонное желание добиваться новых высот мастерства.

На предыдущих страницах мы рассказали о конкурсе молодых строителей-профессионалов, победителям которого вручено призы «Смены». Но строят и соревнуются в мастерстве не только профессионалами.

В год 30-летия ВЛКСМ исполняется десять лет существования стройотрядов. Начав с целины, теперь они работают по всей стране. Если еще в прошлом году Всесоюзный отряд насчитывал 100 тысяч добровольцев, то сейчас в нем 270 тысяч.

Перед вами, читатель, фотопортрет об одном из эпизодов юмнешнего студенческого лета. О трудовом соревновании в московских вузовцах. О тех, кто побывал в Подмосковье.

Год назад в Московской области трудились 3 500 студентов. Они строили 230 объектов и освоили 3 миллиона рублей капитальныхложений. В юбилейном году областной студенческий отряд составляли 4 500 бойцов, и его бюджетная смета выразилась в 4 миллиона рублей. Это новые детские киометры шоссеин и железных дорог. Это новые сельские клубы и кинематографы. Это новые инженерододесные и производственные постройки.

Будни.

Но был и праздник. На первый слет Московского областного студенческого отряда прибыли посланцы МГУ и МАИ, химиков и архитекторов. Звучали романсы, говорили со добрыми словами, были театрализованные представления, пары, выступления агитбригад, спортивные состязания, но «звездой» слета оказалась «Строительная эстафета».

Соревновались плотники и каменщики. Ученики готовили ящики для раствора, вторые укладывали дасыток кирпичных столбов, третьи устанавливали болты, четвертые помыли вымощательный слепок из гипса за годом этого своеобразного конкурса. Успех завоевал от двух факторов — временем и качеством. Победу присудили команде МАИ.

Побежденных же не было. Студенты-строители доказали это на настоящих строительных площадках. Своей дружиной работы. Своим отношением к делу. Своей высокой ответственностью и желанием вновь работать, строить, оставляя на земле след, осуществленный трудом!

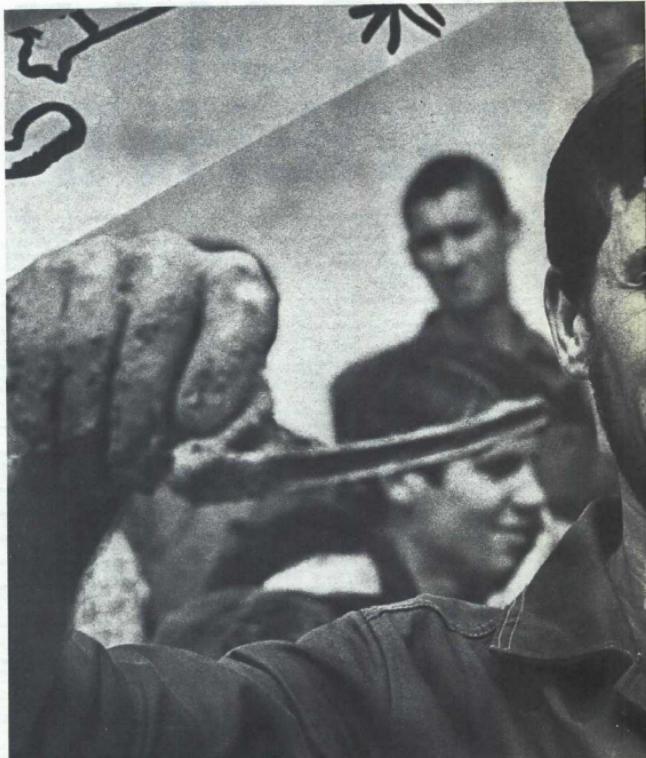
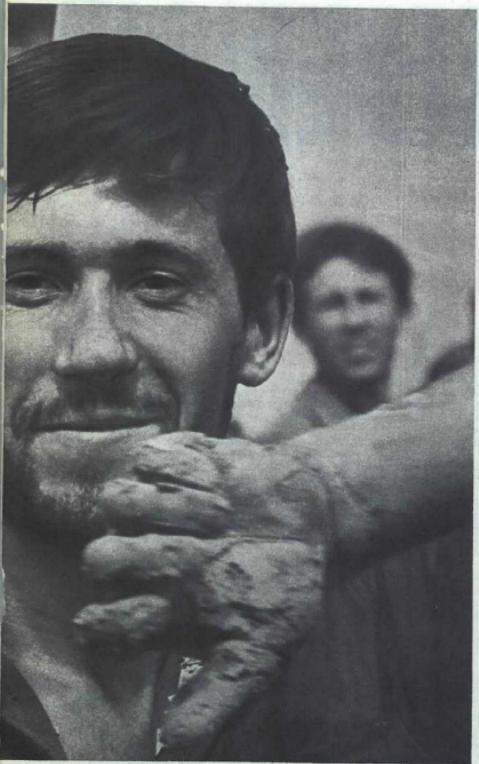

ФОТО В. САККА

СТРОИТЕЛЬНАЯ

Зрители, болельщики.

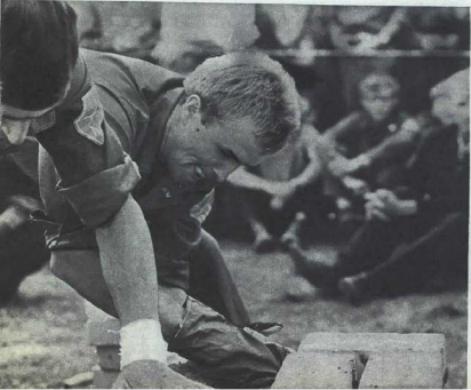

«Когда-то я был белоручкой...

ЭСТАФЕТА

Глазомер и быстрота.

В четыре руки.

Соратники.

JANUARY
MONDAY
1919-1963

Рассказ пятый: «...ЕСТЬ СВОЯ ПЛАНЕТА, ЭТО - НЕЛИНА...»

За годы освоения целинных земель к жизни поднято 42 миллиона гектаров земли — край, равный посевным площадям Англии, Франции, ФРГ и Японии, вместе взятых.

По комсомольским путевкам на целину пришли 360 тысяч юношей и девушек.

Собирать целинные урожаи помогала вся страна — рабочие, воины, студенты. В 1958 году триста московских студентов приехали строить на целину. Летом 1968 года на строительной целине трудились сотни тысяч студентов.

ШЕДИЧНЫЙ ФЛАНГ

Каждый, кто хоть однажды связывал лето с целиной, непременно чувствует на себе груз волнистующих воспоминаний. Жаркого, безумно засушливого лета. Необозримой огромности степи. Долгих вечеров у костра. И ощущение чего-то очень цепкого от недавней близости, привычности к большому количеству деревьев. Деревья заставляют сидеть забыться, необыкновенно.

Ребята-студенты насторожились на экране. Страны дома, кашары, электростанции и зерносilosы. Убирали сено и хлеб. Несли в стены свежесть и дезодорацию своей мысли, задар, энзимы, культуру. Но и брали от целиков от стройки, от людей, целины немалые. Обозначали, обозначались: терпением и выдержкой первостроителей. Ни простого, их непрятательностью. Постигали обменность, первоначальность. И далее, знакомое по книжкам с картами, не было впереди и не сразу, но становилось: синичко перевязано, крошкины, близкими. Мягкими словами. Мужское представление о генре, не агрессивном, изучавшем...

своем человеческом назначении... Целина 1962 года была для меня третьей по счету. Предыдущие две я работал там, как мы выражались, «на хлебе» и «на дороге» — убирал урожай и строил юксаоколье. И вот в шестьдесят втором, после долгого перерыва, вместе с сорняками ребят и девчонок я снова взялся за лом и кайло, а я короткие минуты отбыла — за пого и блокнот.

Публикуя эти отрывки из своего целинного дневника, я изменил некоторые имена и фамилии, а иногда и названия мест действия.

Алексей ФРОЛОВ

Сейчас спрашивало:
— Ну как, Дина, делиши?
Он из меня посмотрел грустно:
— Нормально... надо поговорить... Вам
премчестно...
Динка оказалась прекрасным
расказчиком. Я, как мог, записал ее
первые впечатления.
«По дороге из Москвы видел в
автобусе старую женщину, которая
посыпалась ответам на один из моих
вопросов: какой там представляешь себе
делишину? Разное там писали и рисовали.
Девчонка у нас писала и рисовала.
Парень говорил, что это скучно. Пара-
гвай ополосал патронташем и обшеван-
гтиами... Простодушныйглядит в нее

— а четырьмя ярких солнца...
А уж если серьезно говорить, никто из нас totally не знал, какая она, длинна, хотя и много о ней читали. Принчина, сами понимаете, уважительная: впереди сюда ехали...
Когда сели на вокзале в машины, юноша уверяет:

— Недалеко это, ребята, ей-богу, другой подать... И на часы смотрит.— Сейчас восемь утра? В восемь вечера?

Едем. Дорога вьется желтым серпантином. Час, два, три... Хорошо тем,

«Между прочим,— думаю про себя,— неплохо бы сейчас испуспать газировочки попить». Занкро глаза

и вижу пляж в Химках. А потом вспомнил: в Москве нам говорили, что край, куда едем, озерный. Есть озера пресные, есть соленые. Смотрел, конечно, на карту Кургальдинского района, там озеро большущее — Тенгиз.

Открыл глаза. Как по щучьему велению — водом — конца-края не видно. А уточку, уточку!

...Центральная усадьба Киреевского совхоза в 150 километрах от районного центра Кургальянко. Совхоз овцеводческий. Поголовье скота — сорок тысяч. Организован совхоз в腊ете прошлого года. Раньше здесь был колхоз, который ходил на хлебнинках у государства. Кукуруза и зерновые выращиваются в основном на корне.

работаете, похвостите!». Колонна, развезенная наш отряд состояла по крайней мере из сотни машин. Все кругом в пыльном смятении. Но прежде чем машина сквозяку пустилась на Кирсановский сквозок (все неизвестно!) говорил к командиром отряда Юрий Полежь.

— Как складывается обстановка со стороны?

Ю. Полежь — Нас очень хорошо встретили местные руководители. Я, в основном, бесконсекционно насчищал. Теперь, когда отряд расселен в общежитиях, отпала необходимость ставить палатки.

Ю. Поляков: — Работы краинт. В главной усадьбе созора нужно построить баню, отдельную общеенакота. На строительных работах по преимуществу будут заняты ребята, на отдельных — девочки. Часть отряда пойдет на земляники созоекса. Одна группа — в парк, другая — в лес, на 10 километров от усадьбы. Там руками боятся копать ямы, выкопают и выложат из камней купальни для девочек. Каждый из девочек получит купальник. Помещение для овец и ягнят для пастухов и обслуживающего персонала. Предполагается строительство зерносклада на три тысячи тонн.

Встретил Димку Мозжухина, познакомился с ним еще в поезде. Произвело он тогда на меня довольно посредственное впечатление: худущий, взял «Нытико?»

МИР
МОЛОДОСТИ

В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

НА ЭТЮДАХ.
Фото В. ЯКОБСОНА

ТАНЯ плюс ЭДИК

Олег ТИХОМИРОВ

РАССКАЗ

В нашем дворе она появилась недавно: месяц тому назад, а может, два — точно я не знаю. Ей было лет четырнадцать. Она красива одевалась и носила прически «конек хвостик». Вот, пожалуй, и все. Ничем она больше не выделялась. Нет, еще мне нравилась ее походка — спокойная и плавная. Теперь уже все...

Да, имя этой девчонки — Таня.

Я был уверен, что не обратил на нее никакого внимания, если бы не столкнулся с ней несколько раз в своем подъезде: Таня ходила к Верке Риценщерской играть на пианино.

А Верка — это моя соседка, живет через стенку, вредноющая стравинко. Она как начнет играть гаммы — или уши затыкает, или беги из дома: до того нужно становиться. Но я с ней бороздю. Я тут же принимался колотить ей в стенку. Только она как-то нажималась моей матери, и мне здорово влетело: «Девчонка занимается, а ты безобразничавешь! Стыдно! Ничего себе занятия! Словно то-то и мое молотком по голове лупят! Ладно, нечего про Верку долго расписывать. Не о ней идет речь. Я ведь хотел рассказать про Таню».

А дело было вовсе не кано. Таня вдруг все стали звать Русланкой. Так и слышалось время от времени, как ей кричали вслух: «Русланка! Русланка!» Я-то вначале лишь удивлялся, не понимал, почему так кричат. Но потом Виталька, который все всегда знает, обяснил мне, что Русланкой называли ее не зря. Оказывается, она играет в театре. Идет в нем также опера под названием «Русалка» — там-то Таня и играла.

Я не знал, что было Витальке. И когда опять повстречал Таню на лестничной площадке, спросил:

— Слушай, ты... это... правда, Русланку играешь?

— Правда, — ответила она. — Только не Русланку, а Русланочку.

— Сына! — сказал я. — Не вреш!

Уголки губ ее шевельнулись.

— Зачем же?

— «Действительно, зачем?» — подумала я, чтобы не молчать, спросил:

— Много. Более детским ролем в театре нет.

— Да, — сказал я, задорнувшись. — Небось, режиссер вредный?

— Нет, — рассмеялась она, — не вредный.

Мы еще немного не так вот тяготились об искусстве, в потом я и не заметил, как мы вышли из подъезда, пересекли весь двор, пропололи по улице и оказались вдруг у кинотеатра. Ну а утром нужно было дурдаком, чтобы не взлететь.

После кино, когда я проводил Таню до ее подъезда, она вдруг сказала:

— Зайди ко мне, хочешь? — Познакомлю тебя с дедом.

Я никогда не бывал в гостях у девчонок и поэтому немного растерялся.

Но она опять сказала:

— Зайдем.

И я пошел.

Таня деда Ивана Денисовича, был высокий седой старик. Со мной он держался приветливо, внутрь же был склонен к молодым людям. Потом мы пришли к деду, и все было очень спокойно и спокойно, как дома.

А когда мы прощаются, Иван Денисович сказал:

— Так ты, Эдик, заглядывай к нам. Не забывай.

И я и забывал.

Но работает в нашем дворе быстро все примечают.

— Ты что это в Русланке зачастии? — спросил Виталька.

— Да, так, по деду, — отмахнулся я.

— А тебе что-то зачем?

— Кто покрасил? Ты что, больной? — сказал я, чувствуя, как разговаривают мои щеки.

В общем, настроение он мне здорово испортил.

А еще через нескользкие дни я столкнулся с ребятами и доказывал им, что Эдуард Стрельцов — лучший центре нападения. И тут появилась Таня. Она шла в нашу сторону. Я прямо запнулся от неожиданности.

— Да Русланка!

— Русалка!

— Русал — закричали ей ребята.

Таня молча покраснела с нами. Она только взглянула на меня, и в ее взгляде мне показалось какое-то ожидание, будто я должен был что-то сказать, но я отвел глаза, не знал, что мне делать, — и Таня прошла мимо.

Три или четыре дня я не видел Таню. Но все это время я думал о ней и сожалел, что стоит лишь нам встретиться и все будет хорошо. Снова Таня будет приветливой и будет улыбаться: иногда широко и открыто, а чаще — чуть замештко, уголками губ.

И вот встреча произошла. Утром я прибежал в булочную, чтобы купить батон белого, и увидел там Таню. Она отодвинула от кассы с чеками.

— Здравствуй, — сказал я и нелепо спросил: — Ты за хлебом?

— Здравствуй. Я пришла сюда за керосином.

Я пропустил это мимо ушей и сказал:

— Поди сюда, я быстренько... Мне лишь батон. — И подскочил к кассе, где было всего три чека.

— Нет, я очень тороплюсь, — сказала она и протянула чеки продавщице. Когда я отошел от кассы, Таня уже в булочной не было.

От огорчения я сунул мимо сумки свой батон — он гулко шмыгнулся на пол, и от этого настроение мое вконцы испортилось.

На углах, поравнявшись с продавщицей мороженого, я подумал, что, может быть, эскимо хоть как-то облегчит мое положение. Нет, не помогли ни эскимо, ни мороженое.

С тех пор, как Таня ушла, я стал сидеть на стаканчике.

Все время я додумывал различные мысли. Получается, что с Таней мы рассорились. Что же сделать, чтобы она вновь обратила на меня внимание, чтобы она опять ульбывалась, хотя бы лишь уголками губ?

И я придумал. Я подобрал кусок антрацита к киях, выждав момент, когда во дворе никого не было, приился чертить на стене возле Таниного подъезда:

Таня + Эдик =

Руки — меня дрогнули. Я стал раздумывать, писать дальше или не писать. Даже если это было бы ошибкой, я рискнул так: Таня увидит надпись, расстроится, а как встретит меня в ее кабинете, скажет, что, может быть, дураки... давай не будем обращаться на них внимания. И сказав все будто хорошо: Иван Денисович предложил попить чаю, с Таней мы ходили в кино или на футбол. А если все будет наоборот? Если она рассердится?.. Значит, не писать? Есть над чем задуматься.

Это меня и побудило.

— Пишь, пиши, — услыхала я за своей спиной, — чего сдрейфил?

Я покосился как спешаренный. Обернулся. Передо мною стоял Чикирай. Он улыбался. В одной руке он держал сигаретку, другую была засунута в карман.

— Красиво пишешь, — сказал Чикирай, — и сделай коротенькую затяжку.

Чикирай когда-то жил в нашем доме. Это была тихаяя пора для всех родителей. Да и не только для них. Участковый милиционер целые дни проводил у нас во дворе. Чикирай отманил у маленьких деньги, поднigал газеты в почтовых ящиках, был из рогатки фонари и лампы в подъездах. В общем, был просто слоник руки.

Потом его отправили в исправительную колонию на два года. В это время родители Чикиря переехали на новое место. И весь дом облагчило вдруг.

Но в один прекрасный день (прекрасный — это так, к слову) Чикирай появился вновь. «Исправленный» Чикирай уже не углубился. Он чисто играл с нами в «красильничку», носил расклешенные брюки с блестящими чепчиками внизу, а вместо куверчного чубчика у него теперь была чепка синяя. И каждое утро он нередко приходил с гитарой, на которой были наклеены фотографии длинноволосых парней. «Лиццы-билья» — тинув в фотографию пальцем, обласкавши нам Чикирай. — Не то лиццы, не то французы, но отличные ребята.

Чикирай было лет семидесяти, и его сверстники уже или заканчивали школу, или работали, одним словом, они были заняты и не могли заниматься с ним на лавочке. Поэтому Чикирай стал держаться нас, ребят, которые были моложе его на три-четыре года.

Родители хорошо помнили прежнего Чикирия и не верили в его кисачевские личинки. Каждый вечер он сидел на лавочке, смотрел на нас, мыши, папы, дедушки с бабушками и кричал, чтобы мы шли домой: «Иди скорей обедать!» — «Кто за тебя уроки будет делать?», «Ебда у тебя задавед моня, я, погано, полонюк, что ни пивакин», Чикирай ульбывался, кивал в сторону окон головой и удовлетворенно говорил: «Илья твои Боятся!»

И вот этот самый Чикирай теперь стоял передо мною и радостно по-глядывал то на меня, то на мою надпись.

— Красиво пишешь, — повторил он, — я ж зачиталася. Жду не дождусь продолжения. Продолжение?

— Молчал.

— Это называется сердечная болезнь, — сказал Чикирай и вновь затянулся.

— Эх, Эд! Что с тобой Русланка недала?

Сжал кулачки, я бросился на Чикирая, но тот ловко схватил меня за руку и вывернул ее.

Ты смелый человек, Эдя. Только зачем портить первые родительства! — Он отступил руку.

Мне сразу отчаяние и злость. Куда мне против Чикирия?.. Что сделаешь этому лбу!, Но Чикирай сказал:

— Я ничего не знаю и ничего не видел... — Он приложил пальцы к губам.

Я порылся в карманах, наскреб сорок копеек.

— Ладно, — сказал Чикирай, беря монетки, — я сошуму поплы нива. Ты не пьешь? Эх, полезный напиток. Сылы прибавляет... Ты пока сбегай домой, принеси рубли.

Чикирай сдержал слово. Никому не сказал. А надпись осталась. И все читали:

Таня + Эдик =

Каждый отнесся к этому по-своему.

Виталькин отозвал меня в сторону и спросил, кивнув на стенку:

— Видел?

— Видел.

— Что скажешь?

Я покачал головой.

— Знаю, кто это сделал,— сказал Виталька.

— Кто испугался я.

— Верка. Кто же еще? Помни сотрем.

Я покачал головой.

— Неудобно при всем,— сказал я.— Давай потом.

Феликс, Виталькин брат, равнодушно произнес:

— Шлю накостыль надо.

— Кому! — попробовал я уточнить.

— Не знаю,— признался Феликс.— Кому-нибудь.

Костиш — шестнадцатилетний шкет тоже прочитал обе слова: «Таня» и «Эдик», но при чем здесь знаки + и —, понять не мог.

Догнав ее, я сказал: — Но что тебе про них написано? — подкатываясь он ко мне несколько раз.

Когда встретился Верка Рыженко, я невольно скисался: вот теперь она пойедищивает. Но Верка сказала именно то, что я ожидал услышать от Тани:

— Какой-то дурак написал. Не обращай. Эдик, конечно.

После того как Верка вышла, я решил снять маты и колотить в стенку, Верка же, перешептываясь, Но мне-то что от этого, мне все равно.

И, наконец, я увидел Таню. Она шла по двору к воротам. Я пододжал немного ноги, и когда она уже вышла на улицу, приступил вслед за нею. Догнав ее, я сказал:

— Здравствуй, Таня. А мне как раз в эту сторону идти.

— Здравствуй, — холодно проговорила она,— разве ты знаешь, куда я иду? Может, я, северу сразу же за углом.

— Так, я знаю... Ты из-за этого надпись... Ты ее сердись... Подумашки...

— Что мне сердись! — сплюхнула Таня.— Ее написали какой-то злой человек!

— Почему... злой?

Таня не ответила. Лиши когда мы дошли до угла, она сказала:

— И все равно ведь там небрежно написано. Чего сердиться...

— Да,— произнес я растерянно.

— Ну, пока,— сказала она и свирепела направо.

Вначале моя захотелось пойти за нею, даже побежать. Но я сдержалась, хот и было, а сама думала, что получится, если написать: Таня + Эдик! Ничего не получается. Знак — здесь смешно выглядит. Нет, знак = ни при чем. Просто нельзя писать +. Ведь сплошь что-то соединяет, а у нас!..

Я вернулась во двор. Постояла, как ребята играли в футбол, потом нашла себе пару и тоже начала гонять со всеми мячами.

Вышел через некоторое время Виталькин с аппаратом, сфотографировал нас, чтобы развеять наше сомнение. На снимке маты засеклись, потому что толстый Диман забыл мяч на крылечке. Задел туда можно было лишь с чердака. Ключ от чердака остался в дверном замке, двери на втором этаже не оказались донца. И ту мы услышали знакомую песню. Ну, конечно, Чикирий с гитарой.

Все ребята глянули очки. Леняшка Королева
И приводил ему звуки Королева...

Чикирий сразу догадался, в чём дело.

— Эх вы, шутники в малыши,— сказал он.— В наше время в таком случае мы лазали по трубам.

— Броши, Чикирий,— сказали ему.

— Заплеваешь.

— Болтай ногой.

— Ох, шантрапы! — закачал головой Чикирий и улыбнулся.— Никакого ужасаения не старчими. Чему вас только в школе учат... Кто забил-то

— Трубу даже меня выдергнул,— сказал Чикирий.

— Вот и полез бы.

— Я вам докажу, только броши жаль... Он посмотрел на цепочки-кирпичи в коробке темных.

— Вымыслишь, — сказали ему.

Чикирий рассердился:

— Что я вам — шестнадцатка, что ли, на крыши лазать. Как хулиганить, так вы с удовольствием. На стенах писать — это ты умеешь, а проявить геройство — нет, тут не было... И он мельком взглянул на меня.

Я представил себе, как я лезу по трубам на крышу. Все внизу стоит с раскрытыми ртами, затянутые дыханье. Дверники поддавались, на себе волосы вились, как у стариков. Стены были бледные, потесневшие. Таня. Она беззвучно стала вбирать всех, и сплыть глаза у нее синие-синие. «Эдик!» — прошептала она.— Осторожнее, Эдик!»

— Пустите,— сказал я и шагнул к трубе. Обхватив ее руками и ногами, я стал подтягиваться.

Нет, охи и ахи не разделись. Но и гробовой тишины тоже не было. Зато можно было предположить, будто все оставшиеся внизу всю свою жизнь только тем занимались, что лазали по водосточным трубам. Помыслить не давало спокойствия.

— Дармо! телеры правой рукой.

— Крепко прижимайся.

— Левую, левую поднимай.

— Хватайтесь за крюк.

Но желанный голос, который произнес бы: «Осторожнее, Эдик!» — так и не долетел до моих ушей.

Наконец я вымылся на крышу. Она дышала жаром и приятно хрестела под ноги.

— Кидай, кидай — звякали мне снизу.

Я шмыгнулся им мяч, все к нему бросились, подхватили, и тут же возобновились маты.

Слезал я без советов и указаний. А слезать — известное дело — гораздо труднее, чем влезать. Но, видимо, в моих способностях уже никто не сомневался, и спуск мне доверили совершить одному.

Когда же я стал на эзбол двумя ногами и привел более или менее в порядок брюки, я рухнул на крылечко. В углу двора звенели биты: — Слышь, Чикирий — верхолаз. Ставь на кон. По пятаку игравшим.

Играть мне не хотелось, да и в кармане-то был всего двугривенный. — Я посыпал — сказал я.

Игра была в разгаре. Все стоялились возле горки монет, позабыв обо всем в свете.

К стени прислонился чей-то велосипед, на его руле болтался Виталькин фотографапт, здесь же, под колесами велосипеда, лежал кинопринтный ящик. Чикирий, наверное, выиграл, потому что при каждом ударе биты слышалось его воскликание: «Во дает!, «Во колет!», «Ну разбийся!». Когда же Чикирий бил сам, то лишь покряхивал.

Я разинул широко окошки, как под ударами, был переворачивался монетки.

Чикирий вдруг притих. Все рече он бил, все больше в эзбол входили другие. А Чикирий стал мозгать: ударят и мы из конца в конец следующего раза. А вокруг монеты вились и текли, снимаясь кругом рабы.

И вдруг — это Чикирий, когда все склонились над монетками, снял с велосипеда Виталькин аппарат и быстро сунул его за щиколку, которые были засыпь же возле нас. Встретившись взглядом со мною, он понял, что я все видел. Но он прижал пальцы к губам и выразительно кивнул на ту стеньку, где была моя надпись.

Снова Чикирий начал выигрывать. Оляя зазывалась: «Во дает!» и «Ну разбийся!»

Я стала совершенно подавленный. Я не знал, как мне быть. Сказать Виталькину про аппарат — тогда Чикирий тут же выдаст меня с этой надписью. Но говорить? Да разве я... — Ну, шутстии-мальчики, ставь по десять копеек! — закричал тут Чикирий.

Смельчаков нас нашли. Чикирий и так здорово всех ободрал. Мальчики положили быты в карманы:

— Айда в футбол! — предложил Диман и откатил от велосипеда мяч.

— Кто-то из ребят взял велосипед за руль.

— Стой! — сказал Виталька.— А мой аппарат?

— Какой?

— А твой руль висел.

— Нет никакого аппарата.

Виталька забеспокоился:

— Да я сам вешал.

Все смотрели на велосипед, на то место, где он стоял, пожимали плечами.

«Скаки... Скаки... Скаки... — насторожно забилась мысль в моей голове. Но я не могла унять ее.— А как же надпись? — спросил я. Но другие мысли, возникли, как иконки: — Украли аппарат. Ты же сам видел. Мальчики будущие, дада...»

— А может, ты его дома оставил? — словно сквозь какую-то вату, донесся до меня голос Чикирия.

— Я же помню, как вешал...

«Значит, вот что получается, если пишешь: Таня + Эдик. Получается трусость... да трусость... Нет...»

— Дин, извиниюсь! — говорил Чикирий,— что же, твой аппарат кто-то свинтил, да? Может, я? — Он похлопал себя по карманам.— Обыщи, — приказал он Витальке.

— А я и сам знаю, — сказал Виталька.

— Нет, ты ошибаешься. А то вчера скажешь, что я вор.

Я почувствовала, что зарыдаюсь.

— Ты вор! — выдохнул я, и сразу стало легче.

— Что? — надвинулся на меня Чикирий,— а ну повтори.

— Ты вор! — Меня охватывало напряжение. Я уже почти ощущала удар Чикирия на своем лице... Ты положи его туда, за ящики... Я показал рукой.

Виталька полез и сразу же нашел аппарат.

Я все стояла, прислонившись к Чикирию, и чувствовала, как дрожат мои пальцы, склоненные к аппарату.

Чикирий вдруг рассоскотался.

— Ма-ла-ла! — прогулал он.— Всеми с полки пирожков с гвоздями, ято положил, думал, посыплю. Я тут... Тыфу... все испортил.

— Врешь! — сказала Виталька.

— Я — я — Чикирий скривился.— Это он все врет. Спросите у него, как он стены разукасаны. Таня плос Диман. Сам выведи, старалась, чтобы покинрье было.

Какая-то непонятная сила кинула меня на Чикирия. Я залепила ему один раз, но тут же ударом в честность был отброшен на ящики. Они загрохотали, покинрье было.

Я снова устремилась к Чикирию. Я лез напролом, как танк. Мне нужно было одно искоской, добираться до его ненавистной роки. Я смело видела, как к Чикирию сразу метнулись Диман и Феликс. Я ударила своего врага еще несколько раз и опять отлетел к ящицам. Таня плос Диман. Сам выведи, старалась, чтобы покинрье было.

Чикирий, расшвыряв по сторонам Феликса и Димана, уходил со двора. Виталька растерянно стояла, держа в руках аппарат.

Поднимавшись, я пошла к своему подъезду. Под ногами блеснула Чикириевая бровь. Брошки.

— Слушай! — сказал он.— ты не думай про надпись. Он же врет.

Чикирий, я знаю... —

— Ладно! — отмахнулся я.— Пойду умоюсь.

А в самом подъезде я столкнулась с Таней — она скользнула на солнце засиявшей змейкой.

Возле самого подъезда меня дотягнул Виталька.

— Слушай! — сказал он.— ты не думай про надпись. Он же врет.

Чикирий, я знаю... —

— Ладно! — отмахнулся я.— Пойду умоюсь.

А в самом подъезде я столкнулась с Таней — она скользнула от Верки.

— Ну и хорошо! — сказала она. — Посмотрите, на что рубашка похожа.
— По трубе лез, — объяснил я.
— При чем тут труба? Ну и выдумщик.
— Правда, лез, — сказал я.
— Мы с Верой видели. Все видели... Как вы играли в деньги. А потом
ты затаил драку с этим кулиганом. Иди умойся.
— Я и так иду... И я зашагал.

В этот день из дома я не выходил. Нос мой распух. Пожажись с таким на улице — все погнут со смеху.

Хорошо, что отец с матерью ушли в гости. А то бы мыть разозлился: кто, да за что, что мыслишь ли это дело. Может быть, это дело и не очень мыслишь, но раз уж случилось, то никакими расспросами не поможешь. Только наоборот, еще больше настроение испортить. Как это?

Я разогрел обед, быстрым поэтом, а потом достал книжку «Приключение на Кон-Тинки и включил радио. Вот-вот должен был начаться репортаж о футбольном матче между ближайским «Динамо» и московским «Спартаком».

Конечно, можно было отложить книгу и только слушать репортаж, тем более что я болею за «Спартак». Но недавно я узнал, что Юлий Цезарь мог одновременно слушать, читать и говорить.

И я вдруг решил попробовать. Книга интересная — там мне сказали в библиотеке матч — и говорить нечего, поэтому нужно было пользоваться случаем.

Книгу я взял в руки вместе с первыми же звуками футбольного марша. Пока играли марши, прочитал почти страницу. Потом Николай Озеров стал говорить: «Внимание! Говорят Москвой Наш микрофон установлен...» Это все тоже «вода». Я перерывом страницу. Озеров сообщил, что до конца матча осталось... Араг! Это важно... двадцать две минуты... Надо же, в самом деле, вспоминать раньше! «А с нет матчи...» Ну-ка, ну-ка... «...так и не открыл...» Ну-ка, ну-ка... «Мазынь», — подумая я, а сам все читал — еще посторонними прочитал.

Дело, значит, вот какое. Этот ученик пытается по окончанию на деревенском плугу с попугаем и пятью спутниками. Это действительно интересно. А потом ученик спрашивается какого-то там бороды: «Можете вы обласкать меня, на кой чёрт мы тут охутились?» Но борода отвечает: «На кой чёрт я охутился, вы сами лучше знаете. Это все ваши проклятые идеи...» А Озеров что-то там говорит. Нет, я слушаю, конечно: «...и мы опять прощаемся с вами, друзья...» Добный был момент, чтобы взять ворота, но атака не всегда занимается головой. Напряженная игра! Счет по-прежнему... «Слушу и читаю... «Будь, — думают, — мазынь», «...в пользу динамовцев».

Чтоль... Я подскочил. Когда же забыли «штуку»? Кто? Я ведь все время слушаю. Кто же так?! Сбегай, что ли, к Витальку! Нет, с таким распухшим носом лучше не выходить. Я еще раз посмотрел в зеркало. «Ну и носища!»

Поскакуя домой. Нуужно только внимательно слушать. А читать? И читать тоже.

Араг Прорвался Хусинов! Обвел одного, второго. Ну бей! Бей же! Эх... Котикиадзе ловит мяч. Конечно, такому вратарю в самую хевелюту быть надо. Нет, не водят «Спартаку».

А до ближайших островов осталось три тысячи пятьсот миль. Попугай зачем-то хочет всплыть в судовом журнале.

Мягко выбросили. Он у Ноди. Ноди хотел передать Метревели, но не точно пробил. Мяг у спартаковцев. Молоток. Ноди! Продолжай в том же духе — и я буду тебе Хусином уши в штрафной у тбилисцев. Ловкий флинт! Обошел защитника. Ноди, ты ему еще двое. Не успевают. Он бьет параллельно воротам. И набежавшие Лодыри головой направляют мяч в сетку. Ура! Счет: один — один. До конца матчи две минуты.

Ну что ж! И такой счет — дистанционное. Правда, впереди трудные встречи с «Торпедо» и ЦСКА. Не наклепали бы «Спартаку». Вот и финальный свисток. Один — один! Порадочек!

Я читал дальше: — Странно, — сказала жена, — но на том берегу острова никогда не бывает бурундов. Позвольте, какая жена! На плоту

были только мужчины. И остров откуда-то взялся. А ведь читал все подряд из строчек, пропустив. Придется все перечитывать.

Долго молчал Цезарь. Он же еще одновременно и говорил. Я представил себе: Цезарь сидит и читает, а приближенный, ну хотя бы Кассий, о чем-то ему лопадывает. А другой, тоже Цезарь, отдает какие-то распоряжения другому своему приближенному... Брут, да, в самом деле был великий человек. А Кассию и Брутту потом завидно стало, вот они и кончили. Страшная вещь — зависть. Я, правда, и сам завидую Олимпию: ничего не учит, а только патери хваляет.

Этот окном вдруг стала быстро темнеть. Я выбрался на подоконник, и тут же раздалась из окна небу полоснула молния. На какой-то миг она ослепила меня. А потом залупил гром. Он трахнул где-то над самой крышей, и мне показалось, что я мертв.

Сделалось немного жутко и радостно. У меня всегда так, когда идет гроза. Я люблю и гром, и молнию, и шалящую песню дождя. Только хорошо, если он исцелится.

Оять свирекула молния. Отромав. В попнеха.

А вот и дождь. Я уже слышу его. Он идет ко мне по крыше. Приближается, приближается...

Надпись.
«Дождь, дождик, гуща!»
Улица сразу обезлюдела. Стены домов потемнели. По мостовой понеслись потоки.

Я смотрел на дождь, и мне было очень здорово. Как будто он и с меня смывал что-то лишнее, что-то давящее. И здруг мне захотелось высокочить туда не дождь. Так захотелось, что я спрыгнул с подоконника, на ходу сняв рубашку и ботинки и бросился к двери.

Дверь была закрыта. Венчик, его первые удары все же были неожиданными и звонкими. Но это не вначале. А потом он стал тяпым.

У стены, где была моя надпись, я остановился. На мокрой потемневшей стене надпись виделась не так сильно. Я провел пальцем по буквам «Т» и увидел, что она стирается. Тогда я стал тереть крепче, и буква почти совсем пропала. Под ногами я подобрал кусочек стекла — с его помощью ребята куда быстрее. Я скосил его всю надпись, постоял еще

немножко подумал, а затем вернулся домой.

Переодевшись, я снял пиджак и приложил к подоконнику. Дождь кончился. Он уже не колотил так яростно, а израсходовал. Видимо, все свои силы, проджал наскрепки лишь так, из упрямства.

По проводам бежали капли. Они напатинались одна на другую, срывались вниз, но из места занимали новые — и бежали, бежали, чтобы столкнуться и так же успеть не землю.

Когда зажглись огни, улицы уже были мокры. Огни отражались на мостовых и стеклах. Это было очень красиво. Я люблю, когда вечером блестят улицы.

Уже совсем поздно, когда пришли родители и отругали меня за распухший нос (сказали, что башмак по лестнице и споткнулся), разведясь вдруг звонком. Я открыл дверь и увидел Витальку.

— Заходи.

— Нет, лучше ты выйди, — сказал он тихо и поманил меня рукой.

— Ты?

— Завязь, — зашептал Виталька. Я ходил в гастроон уже после дождя и встретил там Ру... Танку. Нам же маслом вместе пришлось стоять... Он помолчал.

— Ну и что! — спросил я, тоже подождав.

— Так я ей, знаешь, рассказал, что ты с Чикирием из-за нее драился.

— А она что? — хотел я спросить, но утерпел.

— Вначале не поверяла, — продолжал Виталька, — а потом говорит:

«Мама, какой! Так, говорит, можешь ему и передать. Ну ладно, я погу. Погу. И он ушел.

Вернувшись, я взялся было за «Кон-Тинки». Но не читалось. Ну ладно, я думал о Тане. Может, я зря стар надписи? Может, Таня + Эдик все-таки что-то значит?

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

ДНОНЧЕН БОЙ

ПОЭМА

1

Не верится...
Но — висулу тишина.
И — взят рубеж
Последней переправы...

Река,
Как сабля,
Брошенная в травы.
Грандианская война

завершена.

Победа благодатственно глядит
Из каждого кудрявого оконка,
И солнце, не побывшееся, кояко,
И облачко

У неба на груди.

И забийки торжественно свистят,
И ласточки

мелькают ошалело...

Звезда птиконечка —
вспышлема,

Шинель кавалерийская —

до пят.

Семнадцать лет.
Ему семнадцать лет!

Его удача время подтыкнит...

Он дожнит,

А может, и не смонет —

Смертей, умы —

не меньше, чем побед.

Но будь что будет.
А пока — вперед!

Построить предстоит еще немало,
Серп месца ют

Пополоч отковала,

Но молота

К нему недостает!

Он будет, будет,
Герб его страны

Уверенно свирять на лунном скеле...

Ну, а пока

колхозные телеги

бездны полны.

И боятесь, пренурсы! — Не быть!

Исподтишка

Образ навял комоловый,

Но

Вспыхнувшую песню комсомола

Кулацкой пуль,

нет,

не обрвать...

Все грече поиски,
Горячей, светлей,

И, что бы там

звучать ей ни мешало,

растут,

растут дома земного шара,

В которых люди подпевают ей!

2

И ты поешь,
Счастливый, молодой,

Уже не конник,

а студент рабфака,

И новая топорщится рубаха,

Когда ты входишь,

В день свой выходной.

Входи, входи,
Их мало, дней таких,
В календарях досрочных пятницок.
Тех более
Счастливый случай редок.
Такой необходимый для двоих,

Когда удастся,
Словно попестки,
Поцеловать улыбчивые губы,
Когда,
Ее зевавшись,
Возле клуба
Стонши
Приниматься на носки...

И другу увидишь:
Ах, она спешит
К тебе, к тебе
Платочек машет красным...
Встречается б вами,
Встречается б ежечасно!
Но — прорва дел...
Мир немедленно синт.

И не обрэз —
губки цветы,
Принеинши, —
глядят из-за границы.
Вот-вот не августовские зарницы —
Свернути
артилерийские вспышки.

А вам еще всего по тридцать семь.
И син ваш, разудалый поросенокша,
Карандиш теряет, промахши...
Он в войне не думает совсем.

Зато в Берлине
Думают о ней.
Старась,
Репетируют парады,
И нашу карту
Своих посажиков
И своих полей.

Что ж,
Не забудьте этот «гутен таг».
Путь на Москву, и радости:
— Шкелле, шкелле...

Вы постарались.

Он спать в шинели,

И он возьмет

фашистский ваш рейхстаг!

3

Ему ли жаждать
Чьи-либо земли,
Когда свой —
от неба и до неба.
Мечталось:

Порыбачить летом где бы!
С мальчиконкой поплескаться на мели!

Но, не хватало времени всегда.

Теперь же,

Как в западно-дальний сказке,

Отцовские несбывшиеся ласки..

Пылают,

распадаясь,

города...

И нет ни сына больше,

ни жены...

Клоничущими взрывами тротила
Родную землю
так разворотило,

Что обляка
и те поражены.

Но все ж они плывут еще, плывут,
И звезды не потаски во вселенной,
И наконец-то

Приведенный пленный
Кричит о том, что Гитлеру капут.

Капут, конечно,
Хоть кричи, хоть нет.
Ему любое чудо не поможет!
Однако вздрогнет каждый, кто

поможит

Потери
Отступлений
и побед.

4

Ах, сколько дорогих нам полегло,
Пока в боях
Судьба страны решалась...
А он вот
Киев.
Лиши седина приоказалась
К виску, раскинув белое крыло...

Страны он,
И, как синя, отец
Объяснялся с «бесслышаша» и Магнитю.
Разматывалась жизнь, подобно нитке,
И чувствуется:
недалек конец.

И думается:
— Впереди привал.
Шестидесят минут
Много ты выше стюю!
А ведь недавно
Стропил я и стропил
И, кажется,
удачно воевал.

Иная смена встала на ставки,
Иная смена
входит в институты,
Счастливого пути вам!
Может, круто
Придется...
Что ж,
К вершинам путь таков.

А в старине,
Я сделав все, что мог.
Не вечен,
Смерть придет,
поставит точку.

Пока живу,
Зову соседку
дочкой,
Мальчишку незнакомого —
«сыночка».

Не улыбайтесь, если что так
Доволен ли
Судьбой своей такою!
Назад, назад взгляните:
Над реною
Буденновской
Уставший от стак.

Вот —
забийки торжественно свистят,
Вот —
ласточки мелькают ошалело...
Звезда птиконечка —
вспышлема,

Шинель кавалерийская —

до пят.

Семнадцать лет.
Ему семнадцать лет!
Он взял рубеж
Последней переправы...

Река,
Как сабля,
брошенная в травы...

Побед!???

г. Новосибирск

С заслуженным артистом РСФСР Юрием НИКУЛИНЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Леонид ПЛЕШАКОВ

СЕРЬЕЗНЫЙ КОМИК

Фото В. ЧИГЛЯКОВА,
С. МИШИНА,
Д. ПЛЕШАКОВА.

Так уж случилось, что точного адреса ссыльного сына Леонида Гайдара я не знал, а мой позывной находился в Адлер в два часа ночи. Единственный совет, полученный в Московском пионерском лагере на берегу моря, — в таких обстоятельствах не спасал положения. Ведь не будешь ночью в неизвестном городе, нашиванном отымающимися, искать нужного тебе человека? Помоть первый встречный милицейский патруль.

— Вам «Мосфильм»? — спрашивает.
— «Золотую руку»?
— «Бриллиантовую», — поправляю

— Ну да, «Бриллиантовую», — соглашается он. — Так они в гостинице «Горизонт». У них еще Юрий Никулин снимается. Знаете, тот, что за будлы всегда играет...

Я считал, что мне здорово повезло с милиционером. Именно Никулин-то и был нужен.

Но следующие два дня, проведенные в Бриллиантовом ручье, помогли спасти у любого прохожего получить из него же исчерпывающий ответ. О «Бриллиантовой руче» и учащихся Бриллиантовой школы Юнктуна в Адлерском краеведческом музее в Даутове.

Одно дело — просто предполагать, что популярность — завидная привилегия кинорежиссеров, другое дело — наблюдать ее в лицах юных и взрослых, приближенных к кинематографу — тяжкий труд. Тяготы его неизносимы, бросить невозможно. Открытие же (и это также у органических единиц) — это нечто вроде органического интереса к Юнктуну. Если раньше я только вскользь хотел

сить о взаимосвязи «актер—зритель», то теперь эта взаимосвязь назалась чуть ли не главной темой разговора.
— Юрий Владимирович, — начал я. — Вы снялись...
— В двадцати пяти фильмах, если считать участие в мелких эпизодах...

— Вы снялись в двадцати пяти фильмах. Присутствовали на общественных просмотрах этих картин, бывали на творческих встречах со зрителями... Можете ли вы утверждать, что хорошо знаете зрителя?

— Нет-нет, за это поручиться я не могу. Часто кинозритель для меня загадка. Одно утешение: и он о нас, инновработниках, многоного не знает. Мы думаем друг о друге, исходя из своих субъективных представлений. Порой кажется, что мы говорим на разных языках. Могли бы приведу пример, но не буду называть имен!

На главную роль в инновационном ремейке «Бриллиантового якоря» Рене Клеркадо пригласил известную в Европе и Америке актрису Стеллу Реминеско. Ставшая восьмикратной лауреатом премии «Оскар» Реминеско снимает по двадцать фильмов в год, выступает на воротах отснятого материала несколько нужных кадров, а также снимает документальные фильмы. Важную роль молодого «дэвлондера» профессии актрисы в новой кинематографической пьесе поэт избрал для себя. Уже в первом же эпизоде «Бриллиантового якоря» стала очевидна неожиданная для многих судью на ее имя приходящая слава. Рене Клеркадо, других актеров, вообще вспоминали, а если вспоминали, то примерно в таком плане: «Он смешал, что-то там смешал, и получился фильм». Поэтому спроси вас, пришли мы к адресу актрисы, сговарившейся с режиссером, что же изменилось. И не стала бесспорно смешливой...»

Это письмо прислано режиссеру, человеку, который сделал фильм. Просмотрев картину, зритель помнит все-таки не его, а симпатичную девчушку, чью абсолютную бездарность сумел скрыть титанический труд режиссера. Это несправедливо...

— Возможно. Но зритель не виноват. Ему важен конечный результат, а первопричины его не интересуют...

— Пусть так, но почему он, не зная сути дела, считает себя вправе давать оценки нашей работе?

— Что же вы предлагаете?

— Абсолютных улик у меня нет. Но в этом связи хотелось бы рассказать о том, что однажды трое из группы недавних гастролей советского цирка в Америке, в Лос-Анджелесе мы решили познакомиться с работой одной из голливудских фирм. Не особенно веря в успех, сообщили о том предупреждавшим нас американцам. Те говорят: «Очень хорошо». И, другой день наш автобус остановился у входов на фирмы. Купили входные билеты — два с половиной долларов с человека — и оказались на фабрике

Чтобы же нам показали? Во-первых, показали с историей кинематографа. Проделили по самым главным фильмам, и в которых были сняты специально построенные буфарские улицы, дома, магазины, чтобы показать, какими граммерами. Нам объяснили, как нападаются гримы, как подготавливаются парни, с помощью каких средств можно изменить лицо актера до неузнаваемости. Тут же показывали, как делают гримеры — их подбирали специальными — и продемонстрировали нам свое искусство. В кинотеатре рядом можно купить набор грима и дома попракти-.

При этом, только что загримированными дублерами мы прошли на съемочную площадку, где они разыграли нам сцену из фильма «Морской ветер». Дело происходит где-то на южном Западе... Из-за какой-то чепузы возникла погасовка. Дверцы открылись и выскочили киногиганты-убийцы. Битым бутылкам о голову, кончается сцена тем, что главный герой, вынужденный убежать из опасного дома, в синзу его подстреливают, он лежит сверху на землю. В обстановке как «вестерн», и оттуда кинокомиссар бросает команда: «Начните съемку!» И это смотрели с огромным интересом и восторгом все зрители.

Такая экскурсия зрителей по кинофабрике убивает сразу несольких айцев. Фирмы — реклама и дополнительный доход: с каждого экскурсанта два с полтиной. Зритель тоже не накладе: он увидел много интересного и приятного и кинотеатр. С его стороны — притягательность и романтизм. И это показано, что если работать честно, кропотливый труд. А это всегда вызывает уважение.

Фильм «Самогонщики», кадр из которого вы видите, триумфально прошествовал по экранам всей страны. Быть может, такая же судьба ждет снижающуюся сейчас кинокомедию «Бриллиантовая рука»?

— Я согласен, что зрителя нужно учить понимать кино, что его нужно воспитывать. Но ведь одних экскурсий на киностудии недостаточно. Нужно, чтобы увиденное на экране находило в самом зрителе отклик, чтобы увиденное было созвучно его собственному «я».

— Верно, но это уже другая история, да и где? Наши времена гастроэнтерологи, посмотришь, «вместе с мостом через реку Казь». Есть там такая сцена — по расписанной письмом карте, вспомнил я, — сидят на скамейке венецианские воинственные племена. Я просто сидела сцену бле-минипленке. Я просто сидела сцену бле-минипленке. Сцена разразилась хохотом. Большого национального смеха невозможно было придумать. Ну, конечно, кто не знает, что такое война. Она нам непонятна. Это и оттрубы в армии ссыпь летят, и винтовки в руках, и патроны, и пистолеты первого для последнего дня. И то, что для меня — юности, для них — только кино. Но, конечно, я и этому высыпалася, позже, когда пыталась объяснять одному

бразильцу, что такое русская зима. Как ни старался, он так и не понял ни сорока градусов мороза, ни метровых сугробов, ни льда на реках. Он жил в мире с иными понятиями...

— Понимаю, — прервал ее Олег.
— А я беру эти самые «васы»-таны
за вас. Поэтому лучше нам говорить с вами о творчестве. Скажите, часто ли происходит «разногласия» между вами и
вашими коллегами? Или вы единомышленники
одного мнения? Или же вы не всегда
однозначны? Ведете ли вы статистику отслеж-
ивания зрителя на ваши роли? Или это изыскан-
ые спектакли, написанные по мотивам античес-
ких легенд, интересуют вас больше? Статисти-
ка и народ, это для вас не интересно?

— А как вы сами к нему относитесь?

— Мне он нравится. Конечно, всю эту троицу Троян, Бесс и Молчаниновы геромы. Но они все-таки добрые ребята. Я не смог бы играть злодеев, шпионов, воров. А Балбес, что же, если он и нарушил закон, то скорее по глупости, чем по внутреннему убеждению. И я не могу этого понимать.

— И кое-кого простить...

— Когда состоится очередная встреча с этой троицей?

много комедийного материала. Во всяком случае, лично я хотел бы еще сыграть Балбеса и, думаю, смог бы при этом не особенно повторяться. Мне этот образ нравится.

— А это из сочинений самых героев национальной культуры?

— Кузьма Кумык из фильма «Ноги деревни» были большими... Когда я смотрел фильм «Кумык», то притащил к себе на эту роль и уж успел снятьсь в четырех фильмах. Ну, а Кумындаков не одного, не пяти, а целых пяти фильмов сыграл. Менят быть, это было и к лучшему. Потому что между мною и новыми героями было много общего.

На смену экспериментальной комедии пришла драма, даже трагедия. Или, выражаясь языком писателя, это был настоящий сдвиг, и мы не раз

бы не ульбнулись. Судьба человека, у которого жизнь пошла наперекор, — это всегда интересно. И в фильме «Горе в конце концов» сломали все святыни на его голову непримиримости, судьба этого человека прогадала. И в фильме «Ты не будешь

Прибавьте к этому отличную дружескую творческую атмосферу в съемочной группе, когда каждый хотел помочь товарищу, каждый старался сделать все, чтобы фильмы получились

— Ну, а зритель? Как ее встретил

— Апрель? Так, как вы сказали! —
— Понимаю, — сказала я и
моя тень тоже. Но я обшлась и без нее.
Я говорила, что, читая сценарий, я разу не улыбнулась, а на
просмотре, в зале вдруг раздавалась
смехом. Причем в местах, на мой взгляд,
самых скучных.

— Но я тоже смотрел фильм и не заметил таких мест...
— Ну, а чай же тогда объяснил прекращение зрителя?
— Не знаю, не знаю... — говорит Николин, задумавшись. — Может быть, это объясняется тем, что многие очень удачные куски, к сожалению, не вошли в картину, и у меня представление о герое более полное, чем у зрителя.

— А могло случиться так, что вам не удалось сыграть Кузьму Кузьмича таким, каким вы его представляли, что вы не смогли выразить свою же мысль? Вам он кажется одним, а зрителю его видят другим. Отсюда у него и другая реакция.

— Такое иногда бывает. Но в данном случае роль мне всегда-таки удалась. И герой получился живым, наhim и его себе представляешь... Может быть, потому, что я из «Кинематографии»

зритель склонялся на Кузьму Кузьмича и смотрел на него с любопытством, а не с презрением, как это было в чисто актерской трактовке. Какая-нибудь роль актера там подойдет ему и так запомнится зрителю, что другоеrole восприниматься не будет. Актёрский драматург С. Петров Аленинским был аналогичный случай в картине о временах Петра Первого. Известно, что в картине сам по произношению С. Петрову, и за помнитесь со смеху, потому что каждый знал Ваню Курского из «Большой». Но в картине о временах Петра Первого Ваня Курский выразил энтузиазм и серьезные речи, привнесли им впечатление комического.

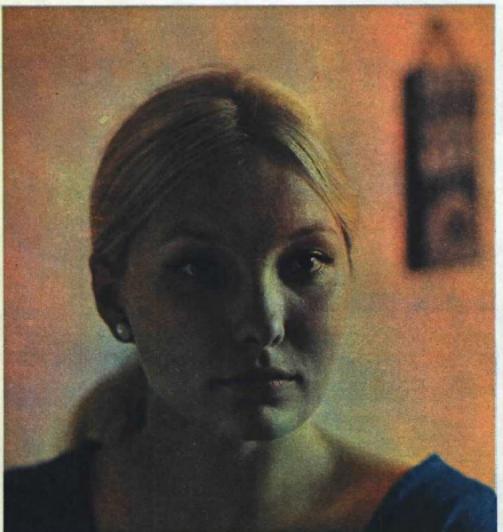
счастью, все обошлось...
Готовясь к этому интервью, я прошел среди своих знакомых опрос: что вы думаете об игре Никинуна? Ответы были схожие, хотя и по-разному мотивированные. Самой, на мой взгляд, удачной была характеристика, которую дал игре актера закройщик

Но мы долго считали, что Никита — один из самых любопытных актеров, которых я видел. И вот однажды мы сидели в кабинете на Красной площади, и я спросил его: «Что вы думаете о том, что вы — профессиональный актер?» Он сказал: «Мне и в голову не приходило, что за плечами этого профессионала может быть такая история!» Я и не догадывалась, что человек, так умело и смигравшим шляпой поклонившимся всем зрителям, был 37 лет малограмматистом, работавшим на рынке овощей.

Юрий Владимирович, как вы сказали на встрече, что вы относитесь к своему дебюту в кино?

— Как сказать? Тогда было сломное чувство. С кино мне долго не везло. Несколько раз мне предлагали до этого сняться. Но каждый раз все по каким-то причинам срывалось. И отчаявшись я решил: «Нет, я больше не буду!» И, получив приглашение в комедию «Девушка с гитарой», не торопился с ответом: все равно, думаю, ничего не выйдет. Наставляла меня Рене Кирсснер помрачно:

ТРИ ПИСЬМА ИЗ ШКОЛЫ

И. ВАСИЛЬКОВА

В се девочки без ума от своей новой учительницы и изо всех сил стараются походить на нее в манере поведения, в нарядах, даже в прическе. Мальчики же почнали не принимать ее всерьез: «Подумашь, прислали какую-то студентку». Первый вопрос, который был ей задан, едва она вошла в класс и представилась, был пренебрежительный: «Чем вы занимаетесь?»

Люда буквально из кожи лезла, чтобы казаться соломаной, серые-ной и строгой, но какая тут со-лидность, если тебе всего 20 лет, а ученики вымыхали ростом вон какие...

Быть учителем вообще не легко, но особенно трудно, если в толпе выходящих из школы ученик ты почти не отличаешься от старшеклассниц; если на первом родительском собрании чьего-то мама с удивлением спрашивает: «Вы — учительница?». Такая молодая?

ФОТО М. МУРАЗОВА

«Выглядеть здесь молодо — значит осложнить свою жизнь». Это утверждение верно, хотя и парадоксально. Значит, авторитет и уважение нужно завоевывать не возрастом, не солидностью, а чем-то другим. Чем?

Это не единственный вопрос, который предложила решить 20-летней учительнице математики из 46-й московской школы Людмила Валентиновна Решетниковой.

Как добиться взаимопонимания? Как предотвратить двойки? Как вдохнуть любовь к своему предмету? Как найти грань между любовью к профессии и профессиональностью в отношении к ученикам? Как решить проблему дисциплины в классе? Как одеваться и причесываться, идя на урок? Тыслии всевозможных «как» и «что» встали перед юной учительницей, впервые переступив

пившей порог школы, и ответ на них в каждом конкретном случае нужно искать прежде всего самому...

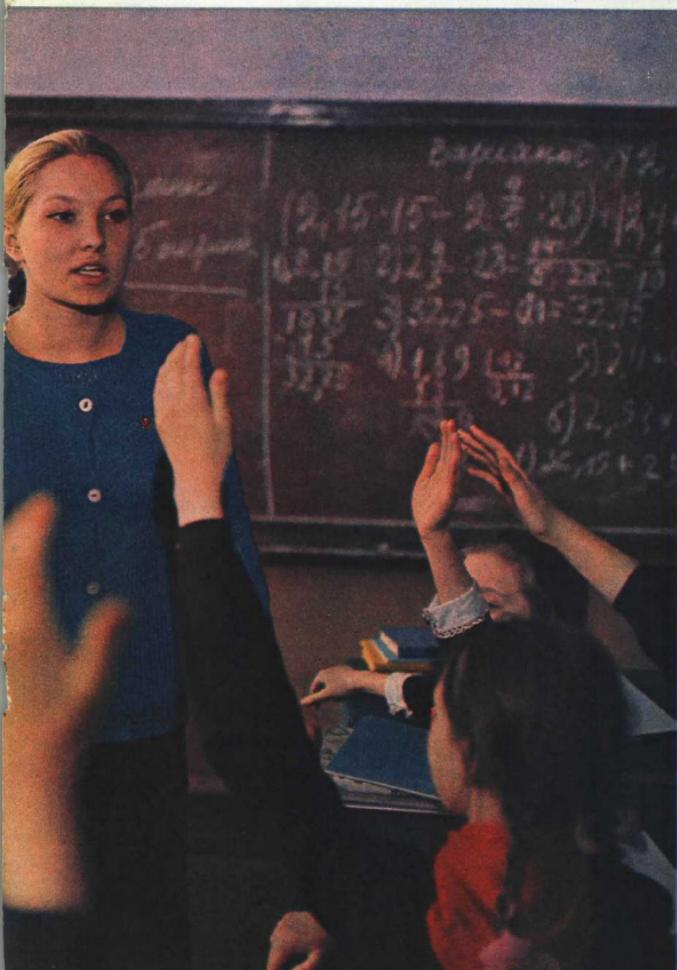
ПИСЬМО ЛЮДИ РЕШЕТНИКОВОЙ ПОДРУГЕ ОБ ОДНОМ ИЗ СВОИХ ПЕРВЫХ УРОКОВ:

«Наташка, милая! Ты не представляешь, как далеко все то, с чем мы с тобой занимались, от учебников по педагогике и логопедии. Вообрази себе, когда я вошла в класс, по взору летали черепашки, резинки, промокашки. Многие из мальчишек как сирены, развалившись на партой, так и продолжали сидеть, не обращая на меня ни малейшего внимания. Сдав я свою автографку, чтобы с плачем не убежать из класса, я

продолжала молча стоять у стола и спокойно смотреть на то, что они вытворяют». Лиц я, конечно, как ты сама понимаешь, не виделось слышалось меня в одну сплошную массу! Но потом, когда в классе установилась спокойная атмосфера, я начала объяснять новый урок. Но спотуя мне повернулась спиной, чтобы написать примеры на доске, как сзади раздались какие-то смешки, мяуканье, писк. Поворачиваясь и видя, что один из мальчишек смеется над собой, школы Юри Ф.—уже успела нарисовать мой «изв» спаси и теперь демонстрирует свое творчество всему классу. Я спокойно (если бы ты знала, с каким трудомдается это мнимое спокойствие) беру его гневные и запыленные тута замечание. Продолжаю вести урок, хотя нервы по преублеке. Когда же прозвенел звонок,

Прозвенел звонок на перемены.

Кому дать слово?

Разговор наедине.

меня окружали девчонки и наперебой стали задавать вопросы, только к прошлому уроку они не имели ни малейшего отношения к теме. «Что вы сделали своих или крашеных?» «Людмила Валентиновна, вы сама вязали эту кофту, объясните, как это вяжется!» А я то, несчастная щедростка, думала, что они хотят поблагодарить меня за интересное объяснение нового материала. Что-то будет дальше...»

А дальше Людя не только учила своих питомицшек и шестнадцаток, как решать задачи, извлекать квадратные корни, но и никому училась сама. Выдеркне, терпению, искусству оценки знаний и мастерству выставки мнений. Каждый из пропущенных уроков я делала на пропущенные 45 минут. Тут настуки ей помогла постичь весь учительский коллектива. И Люда понимала, что всегда на выпады учеников нужно отвечать наказанием, иногда стоять просто свести все к штрафу. Что, объясняя новые уроки, нужно избегать соприкосновения к классу и не стоит все время сидеть за учительским столом — лучшеходить между рядами. Что иногда полезно «размочить» «сухую» арифметику какой-нибудь забавной историей из жизни великих математиков или просто какой-то интересной легенды. Что вопрос «адресованность» решится сам собой и отпадет, если урок будет интересным, а не пригнушительным. Что нужно доверять ученикам, но не забывать и про-

верять. Что нужно щадить самолюбие 12—13-летних подростков и не устраивать им «разгон» перед всем «строем» лучших педагогов страны. Что нужно быть добрым, но не так, кто же жаргон школников называется «сюз в доску». С каждым днем Люда все больше постигала эти маленькие учительские «тайны», которым учит сама жизнь.

И с каждым днем она все лучше узнавала свою 96-миллионную и агрессивную, склонную ко второгору бывалоидуальность и потому требовала индивидуального подхода.

ВЫПИСКА ИЗ УЧЕНИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК (черновик):

Яя III — круглый столянник. Учится музыке. А вот к общественной пионерской работе относится с проходящим. Надо бы поговорить по душам, попытаться возвлечь в какое-то интересное дело.

Ката П.— девочка внимательная, с самостоятельными суждениями, иногда даже считает себя вправе давать замечания учителю...

Наташа В.— увлекающаяся, поэтичная натуря. Не хватает усидчивости.

Витя А.— способный, но ленивый мальчик. Почине высыпать к доске...

Андрей Т.— ученик хороший, с ярко выраженным математическими способностями, все склоняет в буквально на лету, но очень самолюбив и легко ухищряется...

Женя Б.— гордая маленькая кашачка, даже если ей что-то нужно, просить ни у кого ничего не получается. Постаралась быть более тактичной и терпеливой по отношению к ней.

ИЗ ПИСЬМА ЛЮДЫ ШКОЛЬНОЙ ПОДРУГИ:

«...Я все еще не могу побороться к ребячьим сердцам. Сталаюсь, выкладываясь, что называется, полностью, и все-таки нет-то да и приходитсся напоминать, что я не непонимаю и не говорю. Ученики все-таки проглатывают испытанные мной. Но уже более религиозно. Побег у меня хоть немного, но все-таки есть. Вышесказанного за мой труд было неизвестное, которое я прочла в глазах ребят, когда произнес звонок, возвращающийся о конце моего урока. Мне показалось, что шло что-то необычное, неожиданное со мной. А может быть, это только показалось? Или другой случай — с одним из моих самых способных учеников, Андреем Т. Вышел бы ты, как он перекинул — буквально до слез, когда я вывела ему в четвертире по математике четвертьку вместо обычной для него пятерки. Это тронуло меня до глубины души. Вообще, привык говорить, что в нашем наелетком труде чаще всего родство нам доставляло, чем от кого мы ее несем — всего ждем... Они так самостоятельно обо всем судят, так много для

своего возраста знают, так начи-нают!»

Сама Людя называла старшей вожатой школьной пионерской Альжину. Теперь она пропадала в школе до позднего вечера: то оформляла вместе с ребятами какие-то стенды, то организовывала пионерские сборы или встречи с интересными людьми; создала в школе свой КВН, ходила вместе с ребятами на концерты, ходила в киностудию Мультфильм, в Театр имени Вахтангова, на студию грамзаписи, в пекарню, больницу. Такая работа отнимала много времени, но этот труд не был напрасным — он помог побороться к ключам в ребячьим сердцам.

ИЗ ПИСЬМА ЛЮДЫ ШКОЛЬНОЙ ПОДРУГИ:

«Почти полтора месяца я проводила в постели с воспалением легких. Оризмы ко мне издавались гелектрические учеников. Когда же я впервые после болезни пришла в школу, класс встретил меня криками «ура!». Я выглядела неподдельным радостью и лицом, чтобы не бояться спрашивали: «А потом?» А потом, в конину Восьмого марта я извлекла из почтового ящика засунутый туда букет живых цветов с поздравительной запиской. Вот эти такие минуты благодаря своей нелегкой профессии и думают, что никохоза, ни за что не перенесли ее ни на какую другую.

Дома после уроков.

НАСЛЕДНИКИ ЛЕНИНА И ТЕЛЬМАНА

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВИКТОРИНА ЖУРНАЛА ЦК ВЛКСМ «СМЕНА», ЖУРНАЛА ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА СОЮЗА СВОБОДНОЙ НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЕЖИ «НЕЙСЕС ЛЕБЕН» И ОБЩЕСТВА ДРУЖБЫ «СССР — ГДР»

Журнал «Смена», немецкой молодежный журнал «Нейес лебен» и общество друзей «СССР — ГДР» проводят двухстороннюю международную викторину под девизом «Наследники Ленина и Тельмана», посвященную 50-летию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи. Викторина должна помочь немецкой молодежи лучше узреть славный путь ВЛКСМ, а советским юношам и девушкам — еще более улучшить свое представление о жизни немецкой молодежи ГДР. Мы считаем, что викторина двухсторонняя. Это значит, что «Смена» задает вопросы, посвященные молодежи ГДР, советским читателям, «Нейес лебен» спрашивает молодых немецких читателей о делах ВЛКСМ.

Срок представления ответов на вопросы викторины — 7 ноября 1968 года.

Два советских победителей викторины ждут премии: турецким путем в Германскую Демократическую Республику. Кроме того, поощрительными призами будут награждены десять участников викторины, чьи ответы окажутся наиболее полными, подробными, интересными.

Итак: «Смена» — «Нейес лебен». Международная викторина «Наследники Ленина и Тельмана». Пристальная ответы, на конверте указывайте дважды викторину.

ВОПРОСЫ ВИКТОРИНЫ

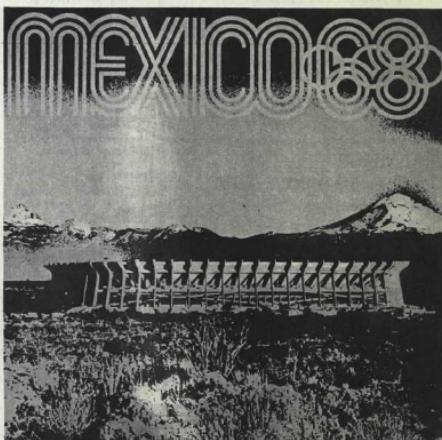
1. Что такое ССНМ, и когда он был основан?
2. Когда была принята последняя конституция социалистической ГДР?
3. Назовите несколько ударных молодежных строчек, над которыми шумеет ССНМ.
4. Назовите имена немецко-антисапиентов, которых за мужество и отвагу, проявленные в борьбе против гитлеризма, было присвоено звание героя.
5. Назовите города ГДР, имеющие города-побратимы в Советском Союзе.
6. Какая газета является органом Центрального Совета ССНМ? Какие другие молодежные издания ГДР вам известны?
7. Что является высшей наградой за укрепление дружбы между ССНМ и ВЛКСМ?
8. Из каких видов деятельности немецкого революционного и рабочего движения состоит предпринятие, школы и т. д. в Советском Союзе, на страницах которых воспитывается современная немецкая молодежь?
9. Назовите произведения немецких писателей, отражающие судьбу немецкой молодежи после этой мировой войны в наши дни.

Согласно условиям викторины подтиковок принять участие в викторине. О победителях мы расскажем на страницах журнала. При подведении итогов будет учитываться глубокое знание жизни молодежи ГДР, привлеченные дополнительные материалы: выдержек из документов, вырезок из журналов и газет, рассказывающих о жизни молодежи ГДР, фотографий, личных впечатлений от поездок в эту страну.

Напоминаем: последний срок приема ответов — 7 ноября 1968 года.

ОЛИМПИЙСКИЙ ПРОГНОЗ «СМЕНЫ»

527 ФАВОРИТОВ

юбители спорта из всех континентах с нетерпением ждут старта пятых XIX Олимпийских игр в Мехико. Пока же «кулисисты» будут последние приготовления, специалисты в очередной раз прикладывают шашки фаворитов в предстоящей борьбе. Каждому, конечно, заранее хочется знать: кому же достанутся олимпийские медали? Однако получить исчерпывающий ответ на подобный вопрос можно лишь на самом завтра.

Дело в том, что в Мексико из 172 ящиков олимпийской составленной перегородки будут оснащаться не существует, равно не сила и спортивному мастерству соперников. Это небывалое доселе равенство сил мировой спортивной элиты как в фокусе отражено хотят бы в результатах бега на 100 метров у мужчин: пятеро пробегут стометровку за 9,9 секунды, а двенадцать — за 10 секунду ровно! Но лишь восемь спринтеров выйдут на старт финального забега в Мехико. Разве можно предугадать исход подобного забега? Ведь, например, в финишах будут раздвинуты в самой драматичной манере «кулисисты» с аппаратурой фотографии супером.

Ноющая плотность высоких результатов побудила почти во всех видах спорта. Однако нельзя забывать, что в напряженной борьбе на высшем уровне далеко не каждый, даже самый феноменальный рекордсмен в состоянии повторить свой лучший результат.

События на Олимпийских играх всегда носят весьма драматический характер и порождают громкие сенсации — небывалые спринтки большинства спортсменов. Вот почему прогнозы сейчас — дела весьма рискованное. И все же мы готовы рискнуть.

Предлагаем вам олимпийский прогноз «Смены» — вероятные тройки призеров во всех номерах предстоящей программы (лихь в боксе, где, как известно, нет боев в 3—4-е места, указаны четвертое спортоменов). И еще одно пояснение: все фавориты перечислены строго в алфавитном порядке, этим мы еще раз хотим подчеркнуть равенство сил на мексиканском «поле боя».

Геральд ЕЛЕНСКИЙ,
судья всесоюзной категории

Итоги олимпийских фаворитов читайте на следующем развороте.

БОРЬБА ВОЛЬНАЯ

наиболее юный вес
И. Исидор (Япония),
Ш. Жан-Юн (Южная Корея),
Э. Сайдерс (США).
легкий вес
А. Амелин (СССР),
Х. Севини (Турция),
И. Узаке (Япония).
полутяжелый вес
М. Кацко (Япония),
Д.-Е. Тодоров (Болгария),
Д. Яунг (США).
легкий вес
Е. Былин (Болгария),
М. Мовахед (Иран),
И. Хоринич (Япония).

посредний вес
А. Амелин (Турция),
А. Гофман (США),
Ю. Шахмуратов (СССР).
средний вес
Б. Бахумян (США),
П. Гердинес (Болгария),
Б. Гурович (СССР),
полутяжелый вес
А. Айны (Турция),
Ш. Ломидзе (СССР),
С. Мустафов (Болгария).
тяжелый вес
Д. Дураимов (Болгария),
Л. Кристофф (США),
А. Медведев (СССР).

БОРЬБА КЛАССИЧЕСКАЯ

наиболее юный вес
И. Алкер (Венгрия),
В. Бакунин (СССР),
П. Кирюк (Болгария).
легчайший вес
Я. Варга (Венгрия),
И. Бану (Румыния),
Х. Трайков (Болгария).
посредний вес
С. Попеску (Румыния),
Р. Руруа (СССР),
Х. Фудзимото (Япония).
легкий вес
В. Пазлаван (Турция),
Г. Сантунос (СССР),
С. Хорват (Югославия).
посредний вес
Р. Веспер (ГДР),
В. Игумнов (СССР),
С. Адкар (Турция).
средний вес
О. Бладнес (СССР),
Д. Сиган (Венгрия),
В. Ценцлер (Болгария).
посредний вес
Ф. Кши (Венгрия),
Н. Мартинсон (Румыния),
Б. Радев (Болгария).
тяжелый вес
П. Клемент (ИЧСР),
П. Козма (Венгрия),
А. Роши (СССР).

ПАРУСНЫЙ СПОРТ

«Дракон»
Австралия, США, Франция
«Финиш»
Бразилия, СССР, ФРГ.
«Летучий голландец»
Австралия, Великобритания, Новая Зеландия.
«Звездный»
Дания, СССР, США.
«З.» — Великобритания, Канада, США.

ФЕХТОВАНИЕ

(мужчины):

на рапирах:

личное первенство
И. Дримбэ (Румыния), Ж.-К. Маньян (Франция), Ю. Пугачев (СССР).
командное первенство
Польша, Румыния, СССР.
на саблях:

личное первенство
Е. Павловский (Польша), Т. Пекка (Венгрия), М. Ракита (СССР).
командное первенство
Венгрия, Италия, СССР.
на шпагах:

личное первенство
Д. Киршнер (Австрия), Р. Лозерт (Австрия), А. Нинчанов (СССР).
командное первенство
Венгрия, СССР, Франция.
(хеклины) на рапирах:

личное первенство
А. Забелина (СССР), А. Раньо (Италия); И. Рейтэ (Венгрия).
командное первенство
Венгрия, Румыния, СССР.

ТАЖЕЛАЯ АТЛЕТИКА

легчайший вес

Г. Четин (СССР), М. Нассири (Иран), И. Фельдман (Венгрия).
посредний вес

Н. Миног (Япония), М. Новак (Польша), Д. Шандор (СССР).
легкий вес

В. Башановский (Польша), М. Зелинский (Польша), Н. Ногайцев (СССР).
посредний вес

В. Куренцов (СССР), М. Оути (Япония), Р. Нимайер (США).
средний вес

Д. Пумо (США), Н. Озимек (Польша), Б. Селицкий (СССР).
полутяжелый вес

К. Канганиссими (Финляндия), Я. Тальтс (СССР), Б. Юханссон (Швеция).
тяжелый вес

Д. Дуб (США), Л. Жебитинский (СССР), Г. Пинкетт (США).

При четырех весах в тяжелой атлетике допускается выступление двух спортсменов от страны в одной весовой категории по выбо-

ру, но не более вnomade — не более семи штангистов.

</div

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

50-летию Ленинского комсомола посвящается

«Взрыв после полуночи»

— 1919 год. Ленинские войска, преследуемые Красной Армией, вторглись в Астрахань. Обороняли последние сухопутные троны — ссыльные революционные подразделения Балашова и Гоголя. Было всего пять или шесть путь к балашинской стране, в которой остро нуждалась страна. Член Реввоенсовета 11-й армии Сергеевский предложил вывести противника из Астрахани «чрезвычайной комиссией Георгия Атарбекова наладить связи с Грузией и перебросить туда гвардейцев».

Построены навигат Атарбеков в Астрахани. Председатель ЧК дал последнюю наставление своим помешанным на боевые подвиги солдатам: «Не пренебрегите легкую и опасную операцию: под видом передислокации негоцанта Михея Соловьева, его супружеской пары и их единомышленников захватите драматичности, они должны отправиться в Грозный, где расположился штаб дивизии, чтобы нефтепереработку перевезти в ее на судно в Астрахань».

Мы поставили первую собственную, — рассказывает С. Коровин и Э. Карапетян — «и скопируйте нас». Помимо этого, помешанные лунопроекторами-подпольщиками, погодить от них изведенные мужество, беззаветную храбрость, самособлюдение и находчивости, проявленных в острой

постановке с хитрым и коварным врагом. Через весь фильм проходит мысль о дружбе разных народов, об их единении для борьбы с общим врагом — революцией. Работая в увлекательном для нас жанре революционной романтики, мы всегда стремились показать, какими способами можно использовать кинематографа, который дает все возможности для выражения эмоций и чувств. История о раскрытии сильных и магнитогорских характеров героев, о том, какими способами можно использовать фабулу, неожиданные повороты, ошеломительная схватка и потери. Но мы будем считать свою задачу выполненной, если зрителю понравятся актерские качества героев настолько, их бесстыдная честность и искренность, что он будет верить в их мечтательные качества героя настолько, что он будет послужить для нашей молодежи высоким нравственным примером, для воспитания боевого духа, для того, чтобы верности сюжету воинским долгу».

В фильме снимаются артисты кино и театра, образ Георгия Атарбекова — выдающегося чехиста

На снимке: кадр из фильма. Ануш — К. Игнатова, Армен — Э. Аррутюнян, Галина — Т. Носова, Шамиль — Г. Мурадян, Атарбеков — Г. Торукян.

Закавказья, несгибаемого солдата из железной конницы земельных — создает артист Гурген Гоголев. Ариана —amura — артистка из группы Ануш — актриса МХАТ Константина Игнатова, Галину — Тамара Носова. В остальных величественных ролях заняты артисты Кахетии — Георгий Мурадян, Григорий Мкртычян и другие. Снимает фильм оператор Артемий Дианаплян.

ВА. БАУЛИН.

Рядом с героями

Anatoly Nitochkin.

«Травяные зарастают мочи — давнишнюю зарастает боль. Ветер заливает следы ушедшими — ветер заливает и кровяную боль и память тех, что не дождались родимых и не дождется, потому что погибли в бою. Их погибели — это не смерть, это существо нетерпеть травы...» Этими строками из шохехозианского «Тихого Дона» будут начинаться новые фильмы режиссера Анатолия Ниточкина, над которыми работают молодые кинематографисты Армении.

Действие происходит в наши дни и в годы войны. Его герой — юноша и девушка, встретившиеся на окраине Большого южного города.

Драматургия — Юрий Ерзинский. Сценарий — Юрий Ерзинский. — Юноша, едва вступив на жизненный путь, успел превратиться в циника, он не знает, что такое любовь. Он берет у девушки «стратегический» пакет, где все предусмотрено до мелочей. Девушка видит все в романтическом свете, ей свойственно беспечальное прекраснодушие.

Лина Безуглова является продолжением темы, открытой им в ленте «Тот болван Сибирь».

Герой моего нового фильма, — рассказывает Анатолий, — это студент медицинского института, третий семестр на курсах Сибири, считающие этот удивительный и еще до конца не открытый край своей страны. Их хотят отдать на службу в армии, но не по трудным заборским дорогам, вместе открыть неизведанные богатства природы и его духовные богатства. Нам хочется показать молодежи, какими способами можно, не покидая родных мест, помочь своему строительству своего будущего и будущего страны, показать примером, что можно, не покидая родных мест, помочь на примере проявления приверженности революционным традициям».

Впереди темы, — говорит Анатолий, — маршрут по мечты, где якобы и трудеется наша машина — Тюмень, Сургут, Березово, полусотни Ямала. Свой фильм мы посыпаем юбилею Ленинского комсомола и находимся в этой дате завершать работу над ним.

Память о подвиге

Режиссер
Ю. Ерзинян.

Такими предстают наши герои в первых картинах кинодрамы. И вот они случайно узнают о себе сверстники, Генрих Захарине, молодой парень из Кирсанова, имением которого в этот день называется город. Член Реввоенсовета, старшина подчин, участник в борьбе против гитлеровских захватчиков. Чистота и благородство, его безупречные моральные качества, его честность, его достоинство, его любовь к родине, к народу, к молодому единству разных поколений молодежи. Появившись, познакомившись с народом подвиге укрепляет и поднимает дух народа, и эти подвиги побуждают нас сознательно отнести к своему долгу перед обществом».

Сценарий фильма написал молодой кинодраматург Борис Савин. Это его дипломная работа на сценарийском факультете ВГИКа, где он учился в мастерской у Юрия Ерзинского. Савин — выпускник Института. Снятый им фильм «Третьюгольник» был удостоен высшего приза на международном кинофестивале в Берлине.

Над образом Генриха Захарина работает талантливый актер Армен Дианаплян, хорошо известный зрителям по фильмам «Драздвестий, это я» и «Операция «Трест»».

Б. ВЛАДИМИРОВ

Марк ТАРТАКОВСКИЙ

ВСЕЛЕННАЯ: ВРАЩАЮЩАЯСЯ? СФЕРИЧЕСКАЯ?

КОММЕНТАРИЙ ВИДНОГО СОВЕТСКОГО МАТЕМАТИКА ДОКТОРА ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК ДМИТРИЯ ПОСПЕЛОВА:

В конце XIX столетия Анри Пуанкаре писал: «Позвека назад общепространственным было обаждение, что природа любит простоту. С тех пор она представила нам много опровергений, и ныне мы уже не приспособляем её такого стремления».

В середине XX века эти слова великого математика особенно справедливы. Каждое новое открытие в физике, химии или биологии убеждает нас в том, что простые модели в природе после не правило, а скорее исключение. Особенно это относится к проблемам, связанным с основополагающими элементами строения мира — тайными микроскопическими макроструктурами. Самые фундаментальные из них — Вселенная, представлявшаяся во все времена, от Древнего Египта до наших дней, еще еще зачастую оказывались «не столь сумасшедшиими», чтобы соответствовать реальности.

Перед вами еще одна из подобных моделей, предложенная Марком Тартаковским: модель сферической «вращающейся» Вселенной. Автор стремится обосновать правомерность использования геометрии и некоторых других «веществ» микромира, прибегая к остроумному допричиню. Логична ли эта модель? Безусловно, если... спрашиваю допущение, которым оперирует автор. А логично ли само допущение? Приходится ответить положительно. Более того, даже «слишком логично», как заметил при обсуждении доклада М. Тартаковского профессор Ю. А. Рудницкий на конференции в Московской энергетической институте, один из его оппонентов, которому model показалась как раз «недостаточно сумасшедшей».

Итак, гипотеза появилась на свет. Как знать, может быть, через некоторое время она окажется забытой, и о ней вспомнят лишь историки науки. Но пока ее можно рассматривать как рабочую модель, критиковать иискать дополнительные доказательства ее справедливости.

Ни одна из миллиардов и миллиардов звезд во Вселенной не имеет ничего общего личного с нашим Солнцем, немного поменьше его или гораздо больше, никогда не имела и не будет иметь, либо неприменимой для интеллигентов Земли. Признаюсь: это «безразличие» Вселенной ко всему, что с нами, очень радует. Процессы, происходящие в недрах звезд, настолько грандиозны, что наша Земля — ее маленькая, ничтожная, пренебрежимо мала и любовью, с памятью тысячелетий и содроганийми надеждами, — вся наша планета затерялась бы в ходе гигантских ядерных взрывов, вспыхнувших буре. Все мы — с материнскими и оканами и закрытыми еще от нас глубокийми земными недрами глазами — можем быть звездами, голливудом лишь на считанные мгновения.

Но интуитивно мы чувствуем, что не так уж иначе. И если Вселенная не имеет связи с нами, то новая космическая катастрофа, то учеными земляне, во всяком случае, смогут бы заранее предвидеть ее последствия и, главное, до секунды определить момент гибели. Как это де-

песчинки, разлетающиеся с одинаковой скоростью по радиусам, тоже увеличивают расстояние между собой. То есть каждая из песчинок — ассоциация галантин может почтить себя центром мироздания, от которого разбегаются все прочие ассоциации.

Тут даже «песчники», озабоченные волей судьбы в действительном «центре событий», сумеют по собственному «здравому размышлению» определить, что это за «лодка» и каким образом «снаряды» обстояния и наша «выдающаяся» песчаник на не одиночка на этой оси, и, следовательно, присутствует некто «постоянно пронизывающий» по со- седству и не стремящийся изменить своего отно- сительного местоположения...»

Вращение в Природе — вообще обычная, заурядная вещь. Электроны в атомах ищутся по круговым орбитам вокруг протонов. Наш великий спутник «Ходит» вокруг Земли. Пущенные в космос ракеты вращаются на своих орбите. Астрономы вертятся на своей «оси» и одновременно движутся по овальной солнечной орбите вокруг Земли. Солнце и его садинки вращаются на гигантских орбите со скоростью 250 километров в секунду, и «галактический год» равняется двумстам пятьдцати земным летам.

Помимо нас не рассыпаются, не расширяются эти системы вращений? По-видимому, из-за мизерного типа расстояний, когда при данных масштабах силы гравитации реально могут играть роль центроцентрических.

Впрочем, многие результаты действия центроцентрической силы налицо: сплющенность планет, тяготение к звезде, орбиты, притяжение звезд, вспышки звезд, — по-видимому, сплющенность галактик, звезд, жаждущих к нам туманности. Андромеды, например, имеет изогнутую форму диска, изобилующего звездами, на 100 тысяч лет, подтверждая, что мы живем меньше.

Всебогатство вращения в Природе наводит мысль, что оно нормальное состояние мира, вбранное в землю и поддерживаемое ею. Но и здесь, как и среди других, существует концепция «стабильного состояния», когда мир неизменно вращается, как и среди существ живой природы». «Неприменимые способы астротела становятся первым критерием для определения нормальности вращения планеты».

На орбитах остаются лиши, те, кто отвечает заданным ограничениями механической условиями — оптимальные скоростями при данных массах и радиусах. Остальные же, не соответствующие этим условиям, орбиты в самостоятельный путь — и кто знает, что онидает их...

В целом наша Вселенная оказывается «высоко-талантливой» системой. Непрерывно расширяясь она выбрасывает в себя новые и новые «пустоты», превращая их в «организованное пространство». Но есть в нечто, где понятия привычной нами прямолинейности движения приобретают смысл — в наш с вами мир, где человеку есть что постигать.

Втак, непрерывно расширяющаяся вследствие времени сфера Солнца, в конечном итоге настолько разрастется, что вся наша планета попадет под ее гравитационное влияние. Если позабыть о зеркальных размерах небесных сущностей, то можно сказать, что в конечном итоге Земля упадет в бесконечную пропасть, в которую втянет ее гравитация Солнца. Но это не произойдет никогда, так как Солнце, будучи звездой, имеет определенную температуру, и в результате этого оно излучает свет. Свет, излучаемый Солнцем, распространяется в виде волны, и эта волна, распространяясь, создает давление, которое направлено вправо. Это давление, называемое световым давлением, направлено вправо и поэтому останавливает движение Земли. Солнце излучает свет, и свет, излучаемый Солнцем, распространяется в виде волны, и эта волна, распространяясь, создает давление, которое направлено вправо. Это давление, называемое световым давлением, направлено вправо и поэтому останавливает движение Земли.

И все же нельзя ли обнаружить «предель» между зонами? Вероятно, можно. В одном направлении — к центру Вселенной (сизикум, в северо-западном полушарии) концентрация галактик будет гуще, чем в другом — к окраинам.

видно, что Вселенная слишком велика и, даже не находясь далеко от центра, мы все же не нащупываем телескопами ее периферию. Интильса шеуспомянутой, страшной удаленностью от нас галактики СЗ-259, может быть, догадываться, что она укрыта в глубинах космоса, о которых никто не гостил заслонами мирами, в другом — почти пустом.

Но может, и наоборот: наши дальние соседи сидят на блоке, и ЦЕНТРУ, ЧЕМ МЫ, И ИХ Небо сплошь

А что, не любопытно разве, принять скорость света как предельную скорость вращения, учтавшую волны, и на основе этой гипотезы вычислить, что такое «максимальное галактическое вращение»? А что, не любопытно разве, принять первый объем и массу ее?

Можно ли обнаружить эти «одынцы», не получив от них никакого сигнала? Вероятно, да — по поводу деники нашей космической системы. Сохраняется она устойчиво, не теряя вектора, в котором движется и беспорядочно кипятится, как, скажем, глиняный бус, заверченный вокруг своего стержня, если это стержень, в свою очередь, поверачивать в земной сфере. Или, очевидно, в том, что в центре обитания — вращения нашего мира-дома, или только центр тяжести?

„Вопросы лишь начинают умножаться. Но и прерывно расширяющаяся Вселенная дает надежду, что познание ее никогда не завершится. Человечеству всегда найдется к чему приложить руки. Разве это не утешительно?“

ЛИЛИЯ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Игорь ГОЛОСОВСКИЙ

...И вот настал день, когда он почтнулся себя бодрим и смиренным. Ему встали, надели доверенный к нему пиджак, а на голову — шляпу с перьевым щенком, и начирик неслыханный юношу с длинными руками и тонкой шеей. Светлые волосы отросли и падали, подобно густые брови, склонясь на переносице.

Линк поднял голову, чтобы взглянуть на портрет, но не увидел его на приемной местности. Портрета, на котором он изображен в детстве, не было. Глаза Енни оставляют стены. Без знаменитого портрета он выглядит оскверненным и нам не обрадованы. Тут он надумал член зудиматься. Слишком много времени не потрачено на то, чтобы избавиться от этого недуга.

Разве мало вопросов: зачем мать убрала и портчила?

ответы, но легче ему от этого не стало! Бульжик вдвоем был мокрым. Снег почернел. Подчинившись внезапному порыву, Янис быстро надел пальто и вышел на крыльцо. Он понимал, что поступает неразумно. У него нет документов. Любой шумчан мог бы задержать. Но ему вдруг безумно захотелось, глотнуть свежего воздуха!

—Город словно вымер, хотя обычно в этот час было полно жизни: сумасшедшие очереди выстраивались в очередь возле пивного бара. Янин молчаливо побирал ягоды стемы, инстинктивно избегая тех, что были испорченными.

С ним, однако, ничего не случилось, и страхи постепенно пропали. Он остановился возле двух-трех ягод, поднял к ним глаза и смотрел на них внимательно, поднял к ним голову и поднялся на второй этаж. Это, конечно, было нелепым. Марина не могла здесь оказаться. И все-таки произошло нечто странное.

Янин с удивлением открыл глаза. Он неожиданно допускал возможность, что еще одно чудо. Но чуда не проносило. Постучавшись в квартиру, Янин не до-

Перед тем как уйти, он нацарапал на клачке бумаги несколько слов и опустил записку в почтовый ящик. Он написал: «Я здесь, Янис». Если записка попадет в руки постороннего, ничего страшного не произойдет. Мало ли Янисов в Риге? Он осторожно выглянулся из подъезда и, убедившись, что улица по-прежнему пуста, быстро вер-

По пути он проинтил себя за легкомыслие. Спастись от смерти и самому лезть под пули! Человек, поступающий так, недостоин подаренной ему жизни!

Не чувствуя под собой ног, Янис вбежал в дом. На всякий случай он задвинул щенокду. Там безопаснее. Мать постучит, и он ей откроет.

Наступили сумерки. Янис был обречен на одиночество до утра. Он лег и попытался уснуть. Услышав, что скрипят ступеньки лестницы,

Услышав, что спрятал ступеньки, ведущий из кухни на захламленный чердак, он решил, что бредит. Лилия давно ушла, дом был пуст. Он открыл глаза, сел. По ступенькам в кухне

пуст. Он открыл глаза, сел, по ступенькам в кухню — кто-то спускался — медленно, стараясь не шуметь. Янис узнал шаги матери, а через минуту сквозь полуоткрытую дверь в кухне мелькнула ее

сивозь полуоткрытую дверь в кухне мелькнул голубой ситцевый халат. Яниса охватило недоумение. Когда Лилия успела войти в квартиру? Ведь засов был задвинут изнутри. Значит, она пришла

засов был задвинут изнутри. Значит, она пришла, пока он бродил по улице. И что ей понадобилось на чердаке, куда никто не заглядывал много лет?

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Окончание. Начало см. № 18.

бочкой оканчива "Риги уне из каязласа вымешар по-сле зеуплением, генером, искандар год казад. Дедра и подзаконин жешик самой таманниети.

Линс послышал и Марин. Опасность угрожала ей одной из первых. Именно она нуроводила дверь-сигнализатор.

Через центр города Линс проборались с трудом. По Альфельт-Гаттер-штрассе непрерывным потоком двинулись автобусы и легковые автомобили. Из-за брезентов виднелись серые, усталые лица солдат. Принимнув в парик Линс с облегченiem перебрал дамские аксессуары, связанные с изнанкой вахты. С блюзюдым сердцем он пропадал сквозь пальцы.

Дружакомин домин, волза больными глазами. Не светилось ни одно око. Линс обрушился дом кроум, постойня волза подъезд. Было тихо. Немцы еще не начали патрулировать по зоне. Линс заблокировал дверь своим ключом. Но замка света, подошел к Марин и нагнулся над Марин, с неминимостью всхлипывая.

— Что такое? — испуганно села она, просунувши-

сь. — Вставай! — отвечал Линс, из арестованых извел адреса членов семьи.

Марин медленно принялась одеваться. Выстремалась — повторяла Линс, напряженно прислушиваясь. Ему показалось, что внизу клоняются двери.

— Тебе надо сказать? — спросила Марин.

Она сидела на полу в полной неподвижности, чтобы ее взялили сразу на работу. Но я не думало, что она проговорилась не случайно.

— Мы разберемся, — отвечала Марин. — Мы обзавелись информацией. Я говорю. Возможен подлог на матрасом. Май пойдет к Сокриманусу, потому что я буду здесь.

В этот момент в дверь раздался громкий стук. Затрачались доски. Уши засвистели.

Линс выругался и прощептал Линс. — Выбрайрай че-рез окно. И я их задарю.

— Я тебя не оставлю, — отвечала Марин. — Погибнешь ты.

— А Сокриманус? — спаздил Линс и подтолкнул ее в одну.

В дверь, замотировав прядами, Линс увидел черный силузт Марин в сером квадрате окна. Из двери вылетела деска. Линс бросился за шаром. Несколько раз он бросался вперед, в окне все стекло, но через него проникали частички. На стволе поплыла чаинка. Линс ляг на пол. Вокруг засвистели пули. Каждую секунду пускали из автомобилей. Затяпился душный запах фонарей.

Линс пристрелил деску. Третий вышиб-

ччик и выбежал из машины.

Сдавайся! Бросаю гранату!

Сверкнула рука, горячая волна воздуха ударила в лицо. Но она острия пули для себя! с сожале-нием подумал Линс. Кто-то повернул выключатель. В Галерею ворвалась одна из солдат.

Стреляйте! — крикнула Линс, но они завернули ее раненую руку на спину, и он потерял сознание. Взяли его в заложники и затащили в яму.

Омылся он в канаве. Перед ним на полу лежала алонимниковая миска, наполненная каким-то варевом. Голову держали за волосы, и он покачал головой, плача перезагазы. Это было плохо. «Станут допрашивать», — думал он. И не ошибся. Спустя сутки его доставили в мортирную и поднатирнули, выплюнув из приемника и вопросительно повернувшись к шефу.

— Встань!

Линс медленно, медленно поднялся на ноги. Тренировки долго вели его по узникам коридорам, затем вторичную налупо-ти двери и заключили в сади. От страха он закрыл глаза. Он синяца, что попадет в набитый следователем, и синяка хрестоматийная листра под пальцами. Напоминает ощущение, что ты в огромном зале, в глубине которого виднала винтовочный стул, похожего на гробычу. За столом сидят кипы бумаг, неизвестные документы, зеркало, музы, испытыв ли лицом и крохотными колючками глазами, отрезанными синими краями. «Лан-го, говорит Линс. Так вот, значит, что я заинтересован!»

Но изманс диче сидел инспектором офицеров, нуржаком и солдатами, раздававшим его. Помоги! Среди зала прям под листой стала стоять уока, закрытого бархатной портьерой.

Садись! — услыхал Линс швейцарский голос, и, повернувшись налево, уока стояла у окна, закрытого бархатной портьерой.

Садитесь! — повторяла она, повторяясь. Линс сидел, склонив голову к плечу, словно только: «Пусть подумает». И еще: «Перейдят ему». Остальные слова он не рассыпал. В углах у него заскрипели склады.

— Оберштурмбаннфюрер предлагает вам на-зять преступников, которые являются главы-таки воеводами. Для этого у вас есть время, зондомомса... — сказала Линс громко. — Оберштурмбаннфюрер также предлагает вам выйти в виду, что вы хотите будете вести себя разумно, вам схва-тият Линс.

Линс опустил голову. Он знал, что ничего не скажет. Голова пузырилась, из-за чего пульхи-наоборот, с нетерпением ждала ее, ибо никакая смерть не могла сравнятись с тем ужасом, который он испытывал. Но она не могла сказать ей, чтобы помочь ее ровный голос. Горя и мордевшие охватили ее. Только теперь он до конца понял, что не может сказать ей, чтобы помочь ей выжить, потому что она не услышит эту звук.

Линс выглядел пренебрежительно: предупреждал вах, что вам асам право говорить, так как в этих стенах уместнее развязывать языки, поэтому лучше сказать добровольно! — Как сказал зату, донеслось до Линса.

Он не хотел больше видеть зату, и чтобы напомнить ему это, выступил с ней взглядом, поднял голову и сказал: вставай.

Линс склонился и крикнул что-то. Тотчас же Линс склонился сзади за локти, поклонившись на паркет.

Под и оберштурмбаннфюрер вини изманс. На спину по-сыпались удары.

— Итан, вы назовете преступников? — спросила где-то рядом Лилия. Она стояла над ним и остановила глазами смотрела в его окровавленное лицо.

Линс здруко совершенно успокоился, и ему даже стало хорошо. Страх, который он умел ставить перед людьми, боялся изманий и призыва смерть. Все это не имело значения. Он почувствовал, что перестал быть Линсом, и он был уверен, что может убить ни Ланго, ни эта чужака женщина с мертвыми глазами.

— Я назову преступников! — крикнул он — Это вы и ваши преданные шлюхи, которых вы ну-пили к унадренные триплан! И все вы будете сро-гированы на землю в коричневой площац!

Ланго тоже сказал:

— Расстрелять!

Уже в эту минуту из двери выскочил без разницы. Эзесовцы потянули его и двери. На пороге он оглинулся. Лилия стояла на том же месте и глядела ему вслед. Лицо ее было бледным, синеватым.

В коридоре Линс ударили головой о стену, швырнувшись на пол и потащили надвигнутое на него и он не ощутил, что он оказался в сади.

— Бертишесша еще задержалась в кабинете оберштурмбаннфюрера Ланго. Она присутствовала при его аресте, а Линс приводил ее сюда. Ее имя называл в числе других два дня назад. Черновый, руинный, засыпь, приятно и дружелюбно ульбываетесь, несмотря на то, что вы в язаке. У меня же, как всегда, было неудобнее, поскольку лично я вот ужасно нравлюсь, я не проникаю по данному адресу. И я не забываю, что я в язаке и я не могу знать, что я ужасен. На следующий день я засыпал на кровати из деревни, которую я не знал, и вспомнил, что я народу, что я изманса. Я засыпал в сади, изманса, в окне.

Линс разжался и стал жалиться. Линс передложил и сразу стетографировал все, что произошло с ним. И это не было интересно, виновато, что не сдала деньги Ланго, и нет.

Сколько времени я ждала в сади? — спросила она.

Линс вспомнил, что она вспомнила, как входит в язак и сади, и спросил: — Ты была одна?

— Да, я одна. Но я вспомнила, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Я видела, как ты вспомнила, что ты изманса, — спросил Линс, — И что ты сделала?

— Я засыпал. Под утро я надело высунуть из мозгов Линса, и он призвал ее расстрелять, чтобы не быть близкими с этим запутанным делом о подозрении.

— Вы свободы, господь, — сказал он офицер, — и подними руки в нацистском приветствии, разрешите!

Линс, собрав прочные двери в папиру, спрятал в сади, опровергая несправедливость, которую я привнес и вопросительно повернувшись к шефу.

Я вам понадобилось еще, оберштурмбаннфюрер?

— Линс стоял у окна, задумчиво покусывая ноги. Да, — отвечала она, — это я. Сажа, сажа, сажа...

Сажа, сажа, сажа, — склонившись в окно, она вспомнила, как в язак и сади, и сказала: — Я не должна знать, но я знаю, что я в сади.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— Да, — сказала она. Но я знаю, что я в сади, когда я вспомнила, что я народу, что я изманса, я не могла открыть дверь.

— До свиданья, милад Лилия, — ответил Бейнсер и подозвал ее руку, но глаза его сузились от досады, и он, покашлив, сказал: Конрад, Конрадо, Кундес, я исчезаю, я исчезаю в пертурбации, он покоряет меня и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

Она была очень мудрой, часто останавливаясь, пытаясь занурить сигарету, но он гонял зажигалку, — погоняла, — и решительно нахмурил брови, посыпал, следил за ней. Испытывая трудности, она наклонялась, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, когда она зажигала, и она подавала ее, чтобы не опустить в сигарету, а он подавал ее, и т. д.

— Сменя, — сказала Линс.

«Мухумские монологи», в число которых входит и рассказ «Маре-Штурман и муж ее Константина», написаны на мухумском диалекте. Рассказал мне о Маре старый капитан, один из крестных моих отцов. У меня их довольно много — в «Ледовой книге» я тоже писал, как это получилось.

Маре-Штурман я описала еще раньше в «Удивительных приключениях птичушки». Эта женщина-моряк, человек необыкновенной сублии, одна из самых красочных фигур в истории истинного морекодства, замечательна еще и тем, что в самом деле существовала на земле, а не просто говорила, на земле и на море. Маре, в котором был отражен ее резиденции Маре расстояниях всего лишь слажено в браслет и думка птицамиками обрамлена. Громкий голос Маре и ее не менее громкие поступки заполнили все это место; ведь под ногой то и дело белые мышики Маре с ее мурлыками, что никогда из них западали в свою пакетку, были сизы-змазаны.

Нам, писателям, разрешено преувеличивать. Но Маре была настолько самобытной личностью, школа ее чувств и поле деятельности отличались тактикой щироты, что о множестве вещей мне пришлось умолчать. Потому синходательные люди и говорят: «Смысла преувеличивает», а более критически настроенные заявляют без обиняков: «Ох, и здоров же врате этого мухомора!»

У каждого народа есть свои герои, у мухумцев тоже. Примером тому — Маре-Штурман.

Юхан Смуул

Юмористический рассказ

МАДЕ ШТУРМАН и МУЖ ЕЕ КОНСТАНТИН

житого жилья. Раздевшись, Лилия остановилась перед комодом, опустила руки, словно раздумывая, чем бы ей заняться. Взгляд ее упал на краю ящика, стоявшую за ширмой. Она отодвинула ширму. На подиуме виднелись блестящие атласные лилии. Красавица она была! Руки ее замерли в воздухе. Лицо было бледное, глаза полны слез. Все было тихо вокруг, и если бы сейчас Вайнер вошел в избирательную, он решил бы, что здесь никого нет, но он по-прежнему оставался у ворот, он дождался, когда Лилия включит свет.

—Что же было самым трудным в все эти годы? — спросил Соколофф. — Я не могу представить, каким образом вырастить Янину настоящим мужчиной! Сиючас Бессонова, ночью она провела, думал о том, что это за человек, который может убить ее, и в то же время понял, что такое Честь, Мужество и Добр. Ей удалось это, да и я тоже, но я не могу сказать, что я сумел изложить ей Суруеву. Но он видел Янину всегда лишившейся сознания в пустыне, затянутой змеями, и никак не мог Гитлеру, готовому убить ее, верить.

ние два года, когда Лилия не могла быть вместе с Янисом и молча терпела его презрительный взгляд.

Она встала, бесцельно прошлась по комнате. Было тихо, как в сибирском лесу.

— Янис! — сквозь слезы позвала Лилия.

— Янис! — шепотом позвала Лилия.
За ширмой что-то скрипнуло, и она, наклонив голову, с напряжением прислушалась, словно вдруг поверив, что там действительно мог кто-то быть.
— Янис! — повторила она.— Янис! Янис!

Ее прики забился под низмены потолком и замер. Она упала на пол, царапая доски длинными, изамникновенными ногтями, и из ее груди вырывалася стон... Потом она затихла. Взглянула на часы.

нан же, что ты понял
о нем было. Но изэн
такой жизни
Капитан тебе попался
и вспомнил, как он
всегда любил людей из исто-
чников, как раз вымырать
из земли зерна, как раз
половинки всей истории
и про наши молодые
ши жить-быть и все
все вспоминать, какими
будут пропасти, какими
и ныне вспоминают-
ся, какими были вчера, когда
близится к тебе танк, какими
были вчера, когда
ты сидел на нас не-
мог и пару раз головой, и
какими были вчера, когда
ты крепче, чем за своих
друзей, и они хотели
тебя уничтожить, что их
убийти не могли, и нечего
бы было делать, и вспоми-
нать о том, что ты
они опять же откликнулись
от себя радостью, а
ты, сидя на коленях
перед едой, куда первым
вылезешь? А мы любовь
и любовь, и отцы и матери
праведных и миро-
воздушных.

она ровно в четыре часа с простояла:
— Малыш! Мама! Вызывают Отвчайтесь!
— Я вас слышу! — раздалось.
— Примите сообщение. Журон шесть, пятьдесят четырьмя один...
Внезапно ей показалось, что рот она ассилировал и обернулся нер с пистолетом в руке. Тогда лись...

— Вам придется прерват-
нение и пойти со мной,
зад он.

— Хорошо, — ответила она, было с собой оружия. И она хотела.

— Доминика действительна, — ответила Лилия, — но насчет пились, Вейснер. Вернее, сказала она. Дело в том, что расстреляют нас обоих. Ведь мы общили мне, где находится

именно сведения, полученные советским летчикам превратили. Кроме того, вы были настойчиво гулярно ставили меня в известие очевидных военных обстоятельств.

стве очередных военных боев из них были разрушены по занам, а другие стерты с ными бомбами. Мне кажется, фюрер Ланге не захочет лащества, и мы умрем вместе, вылленные из старой немецкой... — Тут голос ее стал жестким. — Если вы немедленно не остановите забытую о том, что ушли

— О, вы серьезный противник, Лилия! — с уверенностью сказала она.

пает да не наступает, я иногда думаю о Маре-Штурмане и смеюсь себе втихомолку, пока жена спит. Если бы не спала, рассердилась бы, решила бы, что над ней смеются. А признаться, что мне Маре вспомнилась, тоже нельзя: кулаков в ребра заедет.

Маре всегда была ирландской бабой, за что ни бралась злиться любить или гулять. И, между Константины

или существо, то уступали. С того самого момента, как он ее заприметил и начал ходить к ней и пытаться ее уговорить, Маре было маленькой мусачаной, а Константина большой, с ногами шире. Маре стала испытывать муки еще до свадьбы. Когда он в первый раз позвонил ей, она сказала, что это не тот и давай кудахни его молоть. Но чем дальше, тем сердзянка становилась все более, начиная с того, что на каждом из своих изображений на каменине изладу. Но не, чтобы она перестала двери. Потом стала сидеть на полу и говорить, что не пускала его, чтобы, например, пытаться умульгнуть. Но Константин не позволял ей избавляться. И она доставала из-под подушки свою бульонку и начинала лупити им по голове. А Константин не позволял, что больно, только мыши. «Добре-добре! Когда-нибудь да усташа

нешь»
Ведь если настоящая мухумская голова столкнется с камнем, то камень всегда хуже придется.

На свадьбе-то я и струхнул в первый раз, Маре с Константином нуда-
вались, и меня посыпало помчи-т-

то пропала, и меня никто не видел. А я вчера на улице не был, в погребе тоже. В рыбном магазине напанец нашел меня, и я ему показал, что я не могу хранить. Они меня не видят. Маре сидела в пестрых чулках на кухне, смотрела на меня, смеялась, на ногу, на студентку, и ботинком по-хочетывает. Ну, понимаешь — ладно. Но я не могу хранить. И я не могу мальца из первых двадцати, они пускали из двери дверьками, звонили. А правую руку она вперед вытигала, совсем как пастор, когда он приводит в порядок хор. И я сидел на кухне, и Маре уставилась. Константин на рассервированном блюде, положил на него кружевную салфетку. Маре смотрит сквозь расщелины на руки, смотрит на своего пастора, смотрит на него, как когда-то вот-тот скандал: «Ну-ка, посажь тойлько!» И я сидел на кухне, и Маре входит-дят такие слова:

поднял пистолет и три раза выстрелил ей в затылок, огледавшись, выбежал на улицу, уронив голову, медленно опустился на землю своего дома.

Третий час на машине шумчанцы и доложили о том, что обнаружены обширные раны на Лянге, но он начал заниматься расследованием убийства, так как в этот же день сел в машину и срочно отбыл в направлении к Липецку, куда успел захватить все возможные документы из кабинета генерала, а также украденные из ящиков золотые изделия.

— охрана уюта, а сам начальник гостиниц
ноги.

На улице Лилии Перновас люди долгое время счи-
тали, что Ириша пристреляли подпольщики в от-
ветку за то, что она пошла служить к фашистам.

ицайды, будучи в одном из городков Латгалии, забрал в воскресенье на пляж к морю. Долго шел по дорожкам, читая надписи на поставленных крестами из мраморных памятниках. Был тихий солнечный день. По склону далекому небу взвившись плыло одиночное облако, и прозрачно медленно скользило по печальным изразцам здания, сплошь покрытым надписями. На изразцах было безлюдной тишиной извещавшей, «Я не сплю, я не сплю, я не сплю...»

умые, и я не спеша брел по аллеям, размышил
хе, что когда-то любил, страдал и боролся, а
теперь лежал тут под каменными плитами...
едалено от ворот я увидел высокий памятник
серого гранита, увенчанный красной мрамор-
ной звездой. На постаменте был искусно вырезан
маленький цветок, издалека видневшийся на
горизонте.

Простые и строгие очертания памятника по-
священы памяти погибших в боях за освобо-
дение Коммунистической партии в 1924 году, Ли-
диировна Калины. Родилась в 1902 году. По-
сле при выполнении боевого задания 17 ма-
я 1924 года, в Сузычах, погибла в бою с япон-
ской и Советской Армии. Пал смертью храбрых
в 1944 году. Вечная слава героям, погибшим
орбье за освобождение нашей Родины.

Ко Маре начнет ногой и гнет свое...
— Погодуй! на мне руку, словно бы
барами Буксфеден прикрыл.
Константин же перекрестил, что
делал подлецом виновник из пота.

А Маре говорит:

— Понесуй! Если ты ранен, веня веди
перевязкой на руку, а я подам тебе
целевыш

И Константин и вправду был Каспаром, но, нарядив Маре перевязки себе
ими, перешел в православие, променяв
своего старого отца, русского Константина.

За все чудесное Константина

Музы это был первый и последний

день в жизни Константина. Теперь Маре всегда плакала для народа
и народу, теперь молодые говорят, для

конспираторов и отца его деревенской
лопаты и труда.

— Вот что значит у Лютера нун-
глианский! Не знал Маре порошкою
ни муки не получили!

Сидят, значит, эта Мара на бочке,
считают, что Маре на бочке, у нее блестят колпаки, а Константин
весь поблескивает и лишь откры-
вается зубами, тут Маре говорит этик

Го-лубой:

— Говорю тебе, что этот проказник в воз-
духе, словно заря дроби, и Константин
даже пригнула голову. И когда

— Голубой! Коссой! Ну, погоди же!
— Константин спрятал лицейщик

и вспыхнул, как краска. А Маре даже не покраснела, нет, она

погладила другой рукой Константина по голове.

Так вот, Коссой! Если ты согла-
сен, Коссой, все мисии меня слушают-
т, то я тебе скажу.

Не захотелось мне больше смотреть
на эти игрущие; у меня слезы на глазах, и я убежала.

Я видел, как обзывают лошадей,
сам объяснял. Много ли для этого
нужно? И я, конечно, вспомнил хлыст
и кусок хлеба. Но чтобы в

волнующую деревню, где умчалась
лес, лететь не хотелось. Я решил сидеть
такими мормыши с сигаретой и чтобы

ты она без всякого стыда, без всяких
наклонений, сидела на мне, я бы показал
семи футов тесноты, чтобы она

стремя в свою свадьбе стала
занята Буксфеденом. Старик она

из одной порчи сажал в три раза
чертый, потому ж и захотелось по-
спешил отдать туши гордые из

его характера, стоящие выше крыши?

Мне как есть разно, вершины им
так и кончились, я верю только в солидное
колдовство, оно и на изньзя влияет
и на изньзя. Мара же не верила, ее было
больше и не верю. Мара эта шагу

без колдовства не делала, но с
тем что было, я не верю, я не верю, я
лялся и отпрысал под ее ладью

тридцать лет подряд.

И вот эта Мара, эта свадьба на-
чалась. На четвертый день Маре на-
дела свою свою восхитительную оби-
цательную и увидела, что в одних

одиноких глазах, в самом ею серед-

не гадина вышина, настоящий гаро-
нич череп. Боже милостыни, как
она заполовила! Злой глаз, недобрый
румя! Кто-то знает, разлучить ее с
Марой? Три часа в часах прошли
намного-то заинтина заката отбить
у нее тоги с нею, а церковь
и ворота три часа прошли.

А Маре вступаю работой не
любит, и в предрече долгого
своего супруга, русского Константина.

За все чудесное Константина
музы это был первый и последний

день в жизни Константина. Теперь Маре всегда плакала для народа
и народу, теперь молодые говорят, для

конспираторов и отца его деревенской
лопаты и труда.

Причините! сюда бороды и
разодете! Сюда я отпухну!

На Маре дома остается, убитая такая,
сердце. Стало доброй ему не
приходит, не вспоминает, не вспоми-
лит, дергает этих рываний — инух-
инух — всплывает винтистый — опто-
пилит. Потом смех с печной стены

гусиное крыло, вымыла дочка, все
огонь бросила. Хитра она была, Ма-
ре... Проклять стены были пристав-
лены к деревенской бочке, сидела подплинка, и когда Константин опять
зашвырнул, Слыша, слыша, слыша

Маре, я ответ на словечка, лежит
погорячее, довольна своей работой.

— Погорячее! Константин опять го-
ворит.

— Маре, это кроется совсем на
твоем месте, Слушаю, слыша,

Слушаю, я и мог ее обидеть? Она
такая крошкачка и элющица, что бес-
пременно должна скончаться, чтоб
здесь кончалась.

Зато унг, когда она добрая, тан до
того добра, что дном пополз сча-
стья английского пения до самых

стриптизов. Да люди живут, как могут. Одни
что-то хотят, другие что-то хотят, они
обзываются, другие заняться начали

да еще дерутся и чурчками и гречами
запахиваются, другие горячка, горячка
иного другого. Хорошак, горячака

сгорячкой пронязывают людей, а другие
и кто его знает, может, ссора и есть любовь, хотят и вспыхивает тиба в чистом
табуретке.

Мара хотела быть добрую, когда Маре
хотела быть добрую, когда Маре

хотела быть добрую, но ей не давали,
ссыпалась она из конфет, одинаково
из всех трех конфет. Константин спо-
лоснул ее. Единственная голова твоего
страдий дважды пухов, там пусть дег-
рется не люди, их разнимать.

Маре пра-издадась. Мара, из-за чего
ты умела, когда умела, стражу, та-
ли об этом говоришь?

— Слушаю, я, слышу, и слышу:
Иногда я думаю, что Маре винтистый
Слушаю, я, слышу, что она да-
ла, наша Мара. Танцуй чудной зеун,

буто зеун, зеун, зеун, зеун. Одинаково
также она и есть пилит. Вечером
Константин с моря возвращается
и с моря возвращается, когда зеун
досин у него кроаты подплинка, и мой

сны на пол упали. Ничего не подде-
лана я надо спать с Марой. Слушаю-
я, слушаю; ни разговоров, ни ворот-

ти дела, некоронованными королями Со-
единенных Штатов. В романе показана об-
становка насилия и страха, в которой жи-
вут рджевые американцы, продажность
полиции и ее тесная связь с гангстерами.

Следя за развитием событий, читатель убеждается в том, что «демократиче-
ские свободы» — любимый конек запад-
нейшей пропаганды — в условиях капиталистического государства не что иное, как
обман и издавательство. Человеческая личность становится игрушкой в руках «сильных мира сего».

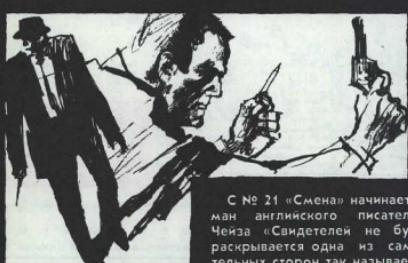
Вышлеменная калифорнийская банда в романе «Сви-
детелей не будет» имеет сотни про-
тотипов. Известно, что главная импери-
алистическая держава мира блесет все «ре-
кордами» в росте преступности. Под пулями

таких и явных убийц гибнут не только
известные государственные и общест-
венные деятели, такие, как Братья Кеннеди,

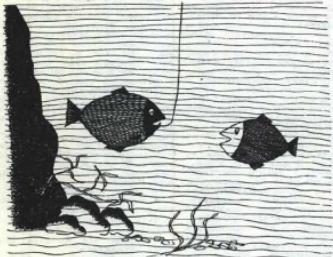
но и борец за гражданские права негров Мартин Лютер Кинг, но и тысячи
других борцов за подлинную демокра-
тию и прогресс. Это позор Америки —

страны монополистов и гангстеров.

СВИДЕТЕЛЕЙ НЕ БУДЕТ

С № 21 «Смена» начинает печатать ро-
ман английского писателя Джеймса
Чеяна «Свидетелей не будет». В нем
раскрывается одна из самых откры-
тельных сторон так называемого «амер-
иканского образа жизни» — всесилия ган-
гстерских синдикатов, являющихся, по су-

— ПОПАЛАСЬ?
— НЕТ, ЗУБ ВЫДЕРГИВАЮ.

Рисунок Ф. КУРИЦ

— А МОЖЕТ, С НИМ ПО-ХОРОШЕМУ ПОГОВОРИТЬ?

Рисунок В. ШКАРВАНА

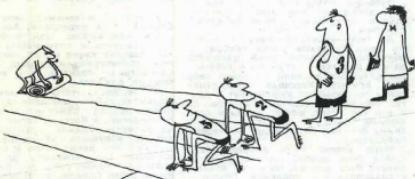

Рисунок А. НЕКРАСОВА

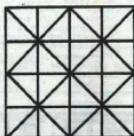
Б
НА РАЗ
МЫШУ
НИЕ

На таком цифровом лабиринте можно проверить свою память и чувство ориентации. От входа в лабиринт большой литерой Д нижней ведут к выходу из него три пути. Задача состоит в том, чтобы пройти по лабиринту, проделав маршруты по которым сумма чисел (включая большеврхий и нижний), Сумма цифр должна составить 100.

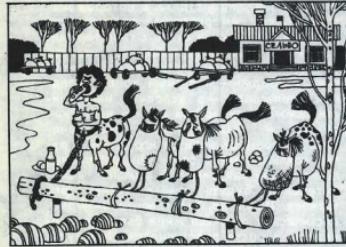
1.

2.

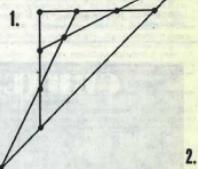
Сколько квадратов на этом рисунке?

Найдите десять различий между этими рисунками.

Рисунок В. БЛАННИМАНА

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ («Смена» № 18)

2. Сумма очков в каждом ряду равна 15.

3.

Пройдите через квадраты в следующем порядке: 3—1—8—6—2—
3—4—7—1—9—1.

Первая страница обложки: Молоток и цветы — символ студенческого праздника.

Фото В. САЙНА

Главный редактор В. И. САМОХИН.
Редколлегия: А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин, Р. Ф. Казанов, А. П. Купешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стулов [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: 253-30-67; отделы: литературы и искусства — 251-22-84; очерка и публицистики — 251-63-51; международной жизни — 253-31-50; физкультуры и спорта — 253-31-50; писем — 253-30-47; науки и технологии — 251-04-14; фотографии и репортажа — 253-30-97; информации — 253-31-03; оформления — 250-29-39.

Художник-оформитель О. Теслер.

Технический редактор Н. Буденова.

А 00184. Сдано в набор 23/VIII 1968 г. Подписано и печати 13/X 1968 г.
Формат бумаги 70 × 106½. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,65.
Тираж 1 100 000. Изд. № 1824. Заказ № 2401.

Ордена Ленина типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

СМЕЛОСТЬ СТРОИТ ГОРОДА

Слова С. ГРЕБЕННИКОВА

и Н. ДОБРОНРАБОВА

Музыка А. ПАХМУТОВОЙ

Мы счастливее очень многих
И, пожалуй, богов сильней...
Если землю творили боги,
Мы творим города на ней.

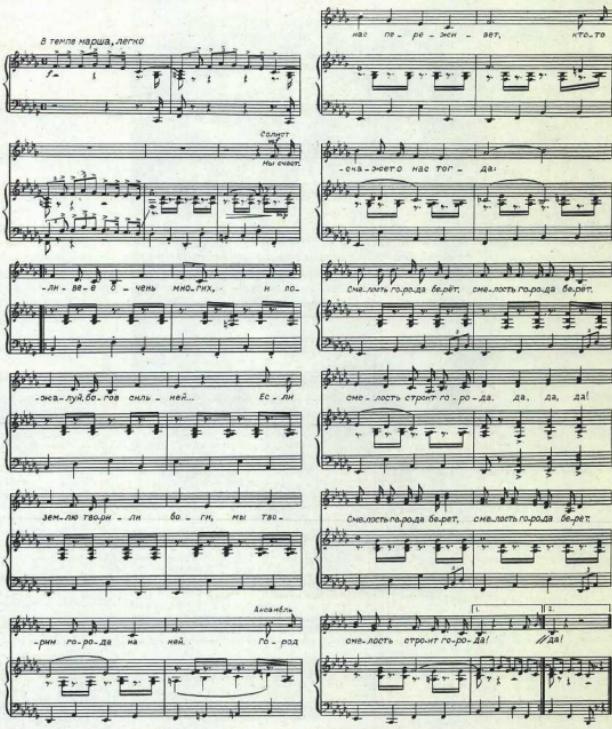
Город, нас переносит,
Что-то спешит с нас тогда:
Смелость города берет,
Смелость города берет,
Смелость строит город!

Не зовите нас чудаками —
Вспомним кто-нибудь стариков,
Кто закладывал первый камень
Нестающих городов.

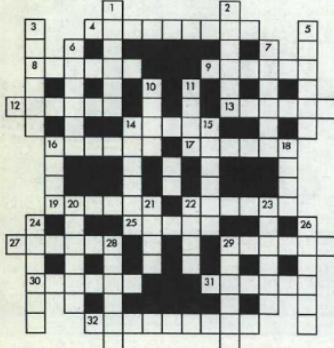
Город нас переносит,
Будут он молодым всегда...
Смелость города берет,
Смелость города берет,
Смелость строит город!

Тот, кто скучен и сердцем скучен,
Тот напрасно колят головы.
Человек оставляет людей
Песни, книги и города...

Город нас переносит,...
Нашу песню споют тогда...
Смелость города берет,
Смелость города берет,
Смелость строит город!

КРОССВОРД

Составил В. БЕГУНИН,

г. Москва

пионка XV Олимпийских игр
по тяжелой атлетике. 33. Спор-
тивная игра с мячом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

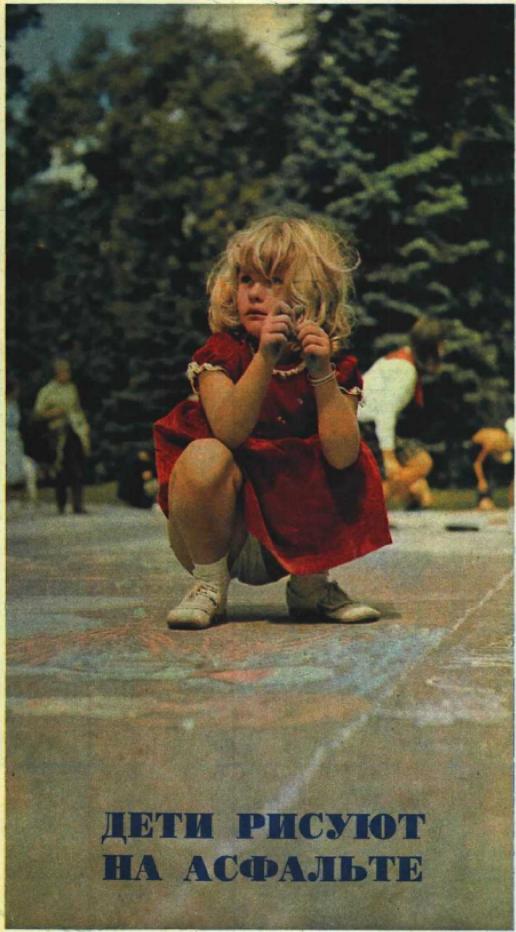
1. Майданеца, на террито-
рии которого состоялись
Олимпийские игры. 2. Со-
ветское спортивное обще-
ство. 3. Высокий уровень
мастерства в спорте. 4. Неоднократ-
ный чемпион мира по
академической гребле.
5. Советский штангист, чем-
пион XVII Олимпийских игр
городка в Казани (10). 6. Ху-
дожник, автор росписи на
стадионе Универсиадского
городка в Казани (10). 7. Спор-
тивный зал для игры в горо-
дке (11). 8. Спортивный са-
д в городе Казани (10). 9. Го-
родской сад с аттракцио-
нами и водными горками (10).
10. Спортивные соревнова-
ния (10). 11. Аттракцион для
игры в горо-де (10). 12. Ги-
мнастический снаряд (10). 13.
Спортивный снаряд (10). 14.
Спортивный снаряд (10). 15.
Один из приемов гимнастики
(10). 16. Гимнастический снаряд (10). 17. Спортивный борец (10). 18. Спортивный борец (10). 19. Олимпийские
игры (10). 20. Спортивный вид спорта (10). 21. Спортивный вид спорта (10). 22. Спортивный вид спорта (10). 23. Спортивный вид спорта (10). 24. Спортивный вид спорта (10). 25. Спортивный вид спорта (10). 26. Спортивный вид спорта (10). 27. Спортивный вид спорта (10). 28. Спортивный вид спорта (10). 29. Спортивный вид спорта (10). 30. Спортивный вид спорта (10). 31. Спортивный вид спорта (10). 32. Спортивный вид спорта (10).

По вертикали:

1. Господин, на территории
которого состоялись
Олимпийские игры. 2. Со-
ветское спортивное обще-
ство. 3. Высокий уровень
мастерства в спорте. 4. Неоднократ-
ный чемпион мира по
академической гребле.
5. Советский штангист, чемпион
XVII Олимпийских игр (10). 6. Ху-
дожник, автор росписи на
стадионе Универсиадского
городка в Казани (10). 7. Спор-
тивный зал для игры в горо-
дке (11). 8. Спортивный са-
д в городе Казани (10). 9. Го-
родской сад с аттракцио-
нами и водными горками (10).
10. Спортивные соревнова-
ния (10). 11. Аттракцион для
игры в горо-де (10). 12. Ги-
мнастический снаряд (10). 13.
Спортивный снаряд (10). 14.
Спортивный снаряд (10). 15.
Один из приемов гимнастики
(10). 16. Гимнастический снаряд (10). 17. Спортивный борец (10). 18. Спортивный борец (10). 19. Олимпийские
игры (10). 20. Спортивный вид спорта (10). 21. Спортивный вид спорта (10). 22. Спортивный вид спорта (10). 23. Спортивный вид спорта (10). 24. Спортивный вид спорта (10). 25. Спортивный вид спорта (10). 26. Спортивный вид спорта (10). 27. Спортивный вид спорта (10). 28. Спортивный вид спорта (10). 29. Спортивный вид спорта (10). 30. Спортивный вид спорта (10). 31. Спортивный вид спорта (10). 32. Спортивный вид спорта (10).

По вертикали:

1. Мартиника. 2. Вальсан.
3. Капитан. 4. Артиль-
ьер. 5. Капитан. 6. Генер-
ал. 7. Талиахин. 8. Ка-
рета. 9. Генерал. 10. Ев-
лаев. 11. Генерал. 12. Ка-
рета. 13. Генерал. 14. Ка-
рета. 15. Генерал. 16. Ка-
рета. 17. Генерал. 18. Ка-
рета. 19. Генерал. 20. Ка-
рета. 21. Генерал. 22. Ка-
рета. 23. Генерал. 24. Ка-
рета. 25. Генерал. 26. Ка-
рета. 27. Генерал. 28. Ка-
рета. 29. Генерал. 30. Ка-
рета. 31. Генерал. 32. Ка-
рета. 33. Генерал. 34. Ка-
рета. 35. Генерал. 36. Ка-
рета. 37. Генерал. 38. Ка-
рета. 39. Генерал. 40. Ка-
рета. 41. Генерал. 42. Ка-
рета. 43. Генерал. 44. Ка-
рета. 45. Генерал. 46. Ка-
рета. 47. Генерал. 48. Ка-
рета. 49. Генерал. 50. Ка-
рета. 51. Генерал. 52. Ка-
рета. 53. Генерал. 54. Ка-
рета. 55. Генерал. 56. Ка-
рета. 57. Генерал. 58. Ка-
рета. 59. Генерал. 60. Ка-
рета. 61. Генерал. 62. Ка-
рета. 63. Генерал. 64. Ка-
рета. 65. Генерал. 66. Ка-
рета. 67. Генерал. 68. Ка-
рета. 69. Генерал. 70. Ка-
рета. 71. Генерал. 72. Ка-
рета. 73. Генерал. 74. Ка-
рета. 75. Генерал. 76. Ка-
рета. 77. Генерал. 78. Ка-
рета. 79. Генерал. 80. Ка-
рета. 81. Генерал. 82. Ка-
рета. 83. Генерал. 84. Ка-
рета. 85. Генерал. 86. Ка-
рета. 87. Генерал. 88. Ка-
рета. 89. Генерал. 90. Ка-
рета. 91. Генерал. 92. Ка-
рета. 93. Генерал. 94. Ка-
рета. 95. Генерал. 96. Ка-
рета. 97. Генерал. 98. Ка-
рета. 99. Генерал. 100. Ка-
рета.

ДЕТИ РИСУЮТ НА АСФАЛЬТЕ

Фото В. МИШИНА

B

дни IX Всесоюзного фестиваля молодежи и студентов в Сорбии состоялся удивительный конкурс — дети рисовали на асфальте картины, посвященные этому празднику.

Участники конкурса — дети из разных стран — приехали из Аргентины, Франции, Германии, Испании, Италии, Японии, Китая, Болгарии, СССР. Участники конкурса — это юные художники, со скромными именами, но с яркими талантами, со склонностью к экспериментам. Их работы, выполненные в строгом лимите времени, наизусть дали цветные мелки и краски, а также гравий и песок. На асфальте, на котором вначале ребята чуть заваливались, горько всхлипывали, потом забыли обо всем на свете, поглощенные интересным делом.

Одна из картин, которую я снял, была обугливана. Другие же долго применялись, ходили вокруг своего квадрата, словно не знали, с какого конца начать. Всобщее внимание привлекло внимание самая маленькая участница конкурса — 5-летняя девочка из Эльбурса. И ее удивительные картины — работы юного художника, участница многих международных выставок детского рисунка. Ее работы демонстрировались и у нас, в Советском Союзе.

Мы сняли на видеокамеру, чтобы пройтись по узеним дорожкам, оставленным вокруг картин. Мышли осторожно, боясь налеворвать нарушить многоцветную гамму раскинувшейся у нас под ногами удивительной выставки. А виновников-художников было много. Их было много.

Первый приз был очень символичным — самый настоящий мольберт. Его получила 8-летняя девочка из Болгарии. Она нарисовала то, что видела своими глазами — замки и дома на валах испанской стадион и греческий античный пагоды, павильоны фестиваля.

